

Шаветт Э.

ПРОКУРОР БРИШЕ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Эжен Шаветт

Прокурор Брише

«Алгоритм»

1872

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

Шаветт Э.

Прокурор Брише / Э. Шаветт — «Алгоритм», 1872 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-04025-2

Эжен Шаветт (настоящая фамилия Вашетт; 1827–1902) – французский писатель и поэт, младший современник и последователь Дюма, Габорио, Сю – основоположников национальной школы приключенческого романа. В 70–80-х годах XIX столетия на русском языке было издано много его произведений. «Куртизанка», «Роковое наследство», «По туманным следам», «Сбежавший нотариус», «Комната преступления» – их названия говорят сами за себя. Практически обязательным атрибутом каждого из них была какая-то роковая тайна. В данном томе представлен роман «Прокурор Брише», где основная интрига разворачивается вокруг личности верного слуги закона, случайно названного приговоренным к смерти преступником в числе своих сообщников, а возможно и умышленно оговоренного им. Последующее исчезновение прокурора только запутывает дело: то ли он пустился в бега, то ли был убит или похищен... События принимают головокружительный оборот, но поскольку среди родственников и друзей главного героя желающих узнать истину практически столько же, сколько и заинтересованных в ее сокрытии, роман держит читателя в напряжении до последней страницы.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-04025-2

© Шаветт Э., 1872

© Алгоритм, 1872

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	19
Глава V	22
Глава VI	31
Глава VII	37
Глава VIII	46
Глава IX	51
Глава X	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эжен Шаветт

Прокурор Брише

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Часть первая

Глава I

Парижане всегда отличались любопытством к свершению смертной казни; как бы ни было далеко лобное место, они бежали шумной и веселой толпой, и, надо сознаться, это потрясающее зрелище производило на них впечатление. Теперь, когда казнь продолжается не более пяти минут, толпа и то окружает эшафот; что же было прежде, когда палач, медленно терзая жертву, давал возможность любителям сильных ощущений наслаждаться в продолжение многих часов. Но никогда толпа у эшафота не была так велика, как 12 января 1728 года, в день, с которого начинается наш рассказ.

Было около четырех часов, а в это время года дни коротки, и потому уже совершенно стемнело, когда Гревская площадь наконец очистилась от бесчисленного множества людей, пришедших смотреть на пытку одного важного преступника. Но его продолжительные мучения не произвели ни на кого тягостного впечатления, напротив того, всюду слышны были крик, смех и пение, как будто народ праздновал свое освобождение.

Правда, что это и было в некотором роде избавление от тяжкого ига, так как казненный был не кто иной, как известный разбойник Людовик-Доминик Картуш; этот дерзкий мошенник в продолжение многих лет держал французов в страхе своими частыми убийствами, смелыми и многочисленными грабежами. Вот почему народ не расходился, желая убедиться в смерти человека, совершавшего под прикрытием ночной темноты свои кровавые злодеяния. Итак, это был настоящий праздник. Все шли счастливые и веселые, рассуждая о смерти Картуша, которого колесовали в полдень и оставили на колесе до восьми часов вечера; он переносил страшные мучения и призывал смерть, как спасительницу. Понятно, что у всех был один и тот же предмет для разговора.

– Наконец-то мы избавились от этого страшного разбойника, – говорил один.

– Да, мы избавились от злодея и его дьявольской шайки, потому что, кажется, в эту ночь он назвал всех своих сообщников, – отвечал другой.

– Правда, что ночью произвели много арестов?

– Да, ведь господин де Бадьер допрашивал Картуша, а это строгий судья и, главное, не любит затягивать дела.

– Говорят, разбойник донес по крайней мере на полтора человека и из них двадцать женщин, пользовавшихся его расположением.

– Это правда, но, как он ни лебезил перед правительством, все же его подвергли пытке сегодня утром.

– А, и вы, сосед, видно, провели ночь на площади?

– Еще бы! Можно ли не посмотреть на казнь такого злодея, я не раскаиваюсь, что пришел, хотя и потерял целые сутки.

Это было справедливо, прочли приговор 11 января, а привезен был Картуш к месту казни 12-го числа. Вот что случилось: накануне преступник принес покаяние на церковной паперти, затем его привезли на лобное место, но тут он объявил, что желает дополнить свои показания. При совершении казни над преступником было принято, что судья отправлялся в думу и там ожидал преступника для снятия последнего допроса; эта формальность почти всегда была полезна, так как несчастный, при виде эшафота и желая, вероятно, хоть на несколько часов отдалить предстоящую пытку или даже, надеясь на помилование, объявил, что хочет сознаться в другом преступлении. Отказа никогда не было, сам палач приводил осужденного к судье, и, как бы ни был продолжителен допрос, он присутствовал на нем стоя, держа в

руке конец веревки, которой был связан преступник. В это время собравшиеся зрители ждали на площади и иногда, потеряв терпение, поднимали ропот, что не раз заставляло судью сократить допрос и возратить народу жертву, смерти которой он так жаждал.

Итак, Картуш по своему желанию был приведен к господину де Бадьеру, имя которого толпа произносила с уважением. Судья ожидал со своим писарем, стариком, только что оправившимся от тяжелой болезни, и потому судья не надеялся на его выносливость и несколько раз спрашивал своего подчиненного:

– Богрен, если Картуш захочет дать новые показания и это продолжится до глубокой ночи, то будете ли вы в состоянии выдержать? Не хотите ли вы, чтобы кто-нибудь заменил вас?

– Благодарю вас, господин судья, я ручаюсь, что выдержу, – отвечал Богрен, желая показать свое рвение и вместе с тем услышать исповедь такого известного злодея.

Судья принял Картуша сидя за столом; подле него поместился писарь, а на другом конце комнаты находились несколько полицейских агентов, – они не должны были слышать показания преступника, а находились здесь только для исполнения приказаний судьи.

Пробило два часа, когда начался допрос, готовивший господину де Бадьеру неожиданный сюрприз.

Картуш был уверен, что его предали сообщники, и решился отомстить им, что и исполнил: назвал их всех по именам, прозвищам, указал их место жительства, место хранения и количество сообщая награбленных богатств, рассказал об участии, которое каждый из них принимал в совершенных злодеяниях. При каждом новом имени судья посылал приказ об аресте этой личности. Время шло медленно, но ожидавший народ не терял терпения, догадываясь при виде жандармов, что производятся новые аресты, и радуясь, что избавится наконец от всей шайки Картуша.

Наступила ночь. Богрен исписал целую кипу бумаг, так как допрос продолжался двадцать четыре часа. Рассказывая со всеми подробностями, Картуш успел назвать только тридцать человек и попросил позволения отдохнуть.

– Все ли? – спросил судья, беспокоясь за своего писаря, который, видимо, утомился.

– Все? – отвечал, улыбаясь, осужденный. – О нет, господин судья, вы знаете только четверть всего. Еще остается сто человек, я думаю, нам будет работы на всю ночь.

Де Бадьер с беспокойством взглянул на своего писаря, но, видя, с каким усердием он пишет, подумал, что у него достанет сил довести дело до конца.

Допрос продолжался. Картуш начал перечислять новых сообщников, не забывая никакие подробности как бы в подтверждение своих слов. Приказ об аресте следовал тотчас же, чтобы не дать виновным времени скрыться. Этот новый допрос длился еще долее, и было уже около трех часов, когда судья нашел нужным дать вторичный отдых измученному преступнику. На площади публика ждала терпеливо, только несколько фабричных, ворвавшись в магазины, силой завладели множеством фонарей, и площадь засияла огнями, так что обстановка напоминала народное гулянье; в толпе расхаживали разносчики, предлагая желающим различные сласти, пирожки и закуски. Все весело ужинали, и иногда раздавались крики, виваты в честь судьи, занятого в эту минуту освобождением города от шайки Картуша.

Насколько отдых, данный судьей, был необходим преступнику, настолько же он послужил во вред Богрену. Подобно старым лошадям,двигающимся галопом, когда разгорячены, и совершенно теряющим силы во время остановки, слабый писарь хорошо исполнял свою обязанность, пока допрос снимался без перерыва, но отдых остановил его рвение, ослабил нервы; усталость взяла верх над больным стариком, и он, несмотря на твердую решимость довести дело до конца, задремал в своем кресле, а через минуту крепко заснул. Судья употребил этот час отдыха на то, чтобы справиться об арестах, произведенных по его распоряжению. Многие из заподозренных, испугавшись доноса, решили бежать со всей добычей, состоявшей из дамских украшений, драгоценностей и бриллиантов, но были пойманы. Все вещи, найденные у

них, были доставлены судье, а он велел положить их на стол; скоро образовались целые горы золота и серебра. Видя, что уже пора начинать допрос, де Бадьер посмотрел на своего писаря. Старик показался ему таким утомленным, что он не хотел будить его и, подумав, что Картуш уже все сказал, а остальное не может иметь особой важности, решил дописать сам, не тревожа бедного старика. Господин де Бадьер не ошибся, – разбойник начал повторять сказанное, желая отдалить хоть на несколько секунд мучительную пытку, ожидавшую его на площади.

– Вы ничего более не имеете сообщить правительству? – спросил судья, прерывая его бесполезные повторы.

– Ничего более, господин судья, – отвечал преступник, не осмеливаясь солгать. Но в эту минуту взгляд его упал на драгоценности, покрывавшие стол, остановился на одной из них, и, казалось, новое воспоминание промелькнуло в голове его.

– Ах да, я совсем забыл нашего прокурора! – сказал Картуш.

– Почему вы называете этого сообщника прокурором? – спросил судья. – Что это за прозвище?

– Да потому что он действительно занимал место прокурора в Шатле, если я не ошибаюсь, – ответил доносчик.

Де Бадьер с удивлением посмотрел на Картуша, думая, что он шутит, но подсудимый был совершенно серьезен.

– Но как же настоящее имя человека, которого вы называете прокурором? – спросил судья.

Картуш подумал несколько секунд.

– Плут тщательно скрывал свое имя, но мы случайно узнали – фамилия его Брише.

Несмотря на свою силу воли, при этих словах судья вздрогнул; хорошо, что преступник ничего не заметил, занявшись разглядыванием различных драгоценностей.

– Что за человек этот Брише? – спросил судья, стараясь скрыть дрожь в голосе.

– Ничто не может вам дать более ясного понятия о прокуроре, как этот портрет, вделанный в роскошный браслет. Его нашли, вероятно, у высокой Эрнестины. Это и есть изображение противной рожи Брише.

Судья взял дрожащей рукой указанный браслет, нажал пружину – тогда открылся медальон. Бросив взгляд на портрет, судья страшно побледнел.

Глава II

Прежде чем продолжать наш рассказ, мы должны объяснить читателю, кто был Брише и почему его портрет произвел такое странное впечатление на судью.

В 1697 году Афанасий Брише, бывший прокурором в Шатле, отказался от своего места, желая воспользоваться богатством, приобретенным им в продолжение тридцатилетней службы. Но, как все богатые люди, Брише имел много завистников и недоброжелателей, говоривших по секрету, что его всеми признанный талант и успешная деятельность не могли бы доставить ему такой значительный капитал, если бы, помимо прокурорских доходов, он не имел счастья распоряжаться капиталом герцога Вивьенского, этого умного и развратного брата Монтеспан, который, владея несколькими миллионами, ухитрился умереть разоренным до нитки. Конечно, может быть, это было ошибочное предположение, потому что покойный герцог оставил в сердце Брише такое чувство, какое грабитель не может испытывать к своей жертве. Это было чувство глубокой благодарности. Прокурор сохранял о нем самое нежное воспоминание, и надо было видеть, с каким волнением произносил он имя герцога, всегда прибавляя полный титул покойного: «адмирал Французского флота». Была ли эта благодарность следствием какой-нибудь важной услуги, оказанной герцогом, или, может быть, Брише не забывал, что, не будь адмирала, и у него не было бы такого богатства. Мы не будем пока отыскивать причину этого, а только повторим, что в 1697 году прокурор, разбогатев, решился оставить службу. Никто не мог лучше заменить его, чем сын, Виктор Брише, молодой человек лет тридцати; отец и передал ему все тайны своей профессии, к которой тот выказал необыкновенную пригодность.

Конечно, мы не говорим, что эта служба была выбрана молодым человеком по призванию, напротив того, у него была страсть к путешествиям, и часто, сидя за письменным столом, он мечтал о поездке вокруг света, представляя себя уже опытным моряком; но оказалось, что сын Брише не был легкоувлекающимся человеком, уступающим своим страстям, и рассудок взял верх, когда пришлось делать себе карьеру. После двух серьезных разговоров с отцом он потерял охоту к путешествиям и приобрел любовь к занятиям в суде; сделавшись же помощником прокурора, выказал такое усердие, что пять лет спустя отец его не мог найти лучшего прокурора и передал свое место сыну. Итак, старик Брише не хотел более трудиться, а решил пожить в свое удовольствие. С этой целью он купил две развалины, сломал их и на том месте построил великолепный дом, окруженный роскошным садом; на отделку дома не пожалели денег: повсюду мрамор и позолота, в парадных комнатах было множество картин, так как Брише был любителем живописи. Он заплатил десять тысяч франков одному знаменитому живописцу того времени за великолепный портрет герцога Вивьенского в золотой раме с гербом и надписью «Герцог Вивьенский, адмирал Французского флота» и поставил его над камином в своей приемной зале.

Дом был готов, и бывший прокурор собрался переезжать в него, но верно гласит пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает», – со стариком сделался удар, и он переселился не в новое жилище, а на кладбище Святого Иоанна. Было бы естественно, если бы Брише-сын, сделавшись обладателем отцовского состояния, отказался бы от своей должности и удовлетворил бы свою страсть к путешествиям, но он поступил иначе. Оставшись на месте, Брише продолжал так же ревностно заниматься делами, как и прежде; получив наследство, он отпустил всю старую прислугу отца, щедро наградив за верную службу.

Не желая занимать новый роскошный дом, пока он остается на месте прокурора, Брише нанял квартиру ближе к Шатле, а вся прислуга его состояла из одной кухарки и лакея по имени Колар. Лакею минуло сорок пять лет, когда он поступил к Брише. Этот человек был олицетворение честности, верности и преданности своему господину. Высокий, худой, молчаливый и

нисколько не любопытный, он исполнял свои обязанности без шума и без рассуждений. Колар выдавал себя за уроженца Нормандии и отставного военного. Прокурор вполне ценил его редкую преданность и имел к нему полное доверие; один раз в неделю слуга отправлялся в новый дом, чтобы проветрить комнаты и предохранить мебель от моли; всякий раз он возвращался оттуда в полном восхищении от богатств, в настоящее время никому не нужных.

– Когда же господин мой решится воспользоваться этим прекрасным домом? – спрашивал верный слуга прокурора.

– Бог знает когда, – отвечал Брише, – скромный прокурор не может жить как какой-нибудь граф. Надо мной все станут смеяться, а клиенты мои будут недовольны; мы перейдем туда через несколько лет, когда я выйду в отставку.

Каждый раз, отправляя слугу в новый дом, господин не забывал сказать:

– Главное, обрати внимание на портрет герцога!

Могло показаться странным, что сын унаследовал от отца даже его привязанность к герцогу: то же волнение слышалось в его голосе, когда он произносил имя адмирала Французского флота. Но мы уже вспоминали пословицу «Человек предполагает, а Бог располагает». Брише, говоря, что не переедет в свой дом раньше назначенного срока, вероятно, забыл, что на свете существует непонятное чувство, называемое любовью, а оно-то и привело его в скором времени в роскошный дом. У него не хватило силы воли побороть эту страсть, и он сдался, вступил в брак, неравный по положению невесты, иными словами, он сделал то, что друзья его единодушно признали глупостью.

Вот как это случилось. Идя на службу, серьезный прокурор часто встречал прелестную, молодую девушку, просто одетую и со скромными манерами. Брише достиг тридцатипятилетнего возраста, и до сих пор женщины играли второстепенную роль в его жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он влюбился в молодую девушку и, думая только об удовлетворении своего каприза, послал Колара навести справки. Слуга принес самые подробные сведения. Предметом обожания Брише оказалась швея из модного магазина, впрочем, девушка трудолюбивая и честная. Фамилия ее была Пижо; живя своими трудами, она испытывала большие лишения; матери у нее не было, а только отец – сапожник, живший в Нанси; в Париж она попала случайно, – ее завезла одна графиня в качестве горничной; обрадовавшись новому положению своей дочери, сапожник решил расстаться с ней. Но, к несчастью, муж графини своим поведением заставил молодую девушку удалиться. Таким образом, она очутилась на улице без пристанища и без денег. Проезд из Нанси до Парижа был дорог, сапожник же был слишком беден, чтобы приехать за дочерью. Находясь в такой крайности, она начала искать работу, чтобы скопить денег на проезд, и после долгих поисков поступила наконец швеей в магазин. В это-то тяжелое для нее время Полина встретила с Брише на улице. Прелестная дочь сапожника показалась прокурору удобной фавориткой, и он отправил к ней Колара с самыми щекотливыми предложениями; однако как ни был слуга предан своему господину, но по своей честной натуре он оказался неспособным на такую постыдную роль и не выполнил данного ему поручения, впрочем, не он один был причиной полнейшей неудачи, – бедная швея не польстилась на золотые горы, которые ей сулил прокурор.

Известно, что всякое препятствие разжигает страсть; так случилось и с Брише, – он влюбился еще более и решил жениться на бедной модистке. Конечно, это не обошлось без внутренней борьбы.

Как! Он, миллионер, всеми уважаемый прокурор, а жена его – дочь сапожника! Эта мысль казалась ему ужасной, но любовь восторжествовала над тщеславием, и Брише нашел средство удовлетворить свою страсть, не унижая прокурорского достоинства. Он отправил в Нанси преданного Колара, оказавшегося в этом случае ловким послом, так как он привез согласие отца Полины и вместе с тем обещание его никогда не стараться войти в дом будущего зятя, за что ему предложено было шестьсот луидоров ежегодного пенсионера.

Через месяц Полина сделалась женой Брише: и он представил ее своим друзьям как сироту. Брак этот оказался вполне удачным. Полина была добрая и умная женщина; неожиданная перемена в жизни не вскружила ей голову – она осталась такой же благородной и простой, как и была. Неделию спустя после брака Брише передал свое место помощнику и поселился с молодой женой в новом доме. С этих пор для него началась жизнь человека вполне счастливого и любимого. Тесть-сапожник напоминал о себе только тогда, когда присылал расписку в получении денег, выдаваемых Коларом по приказанию Брише через каждые три месяца. Так продолжалось более десяти лет, как вдруг случилась маленькая неприятность. До этого дня все переговоры с Пижо вел Колар, но вдруг он заболел горячкой; между тем наступил срок платежа, Брише не мог спросить адрес тестя у слуги, потому что тот лежал в бреду, тогда он решил послать деньги с письмом к прокурору в Нанси с просьбой отыскать и заплатить Пижо. Через две недели деньги были возвращены назад с письмом следующего содержания:

«Многоуважаемый товарищ, я искал по всему Нанси и его окрестностям, но нигде не мог найти сапожника по имени Пижо. Я думаю, во всем округе нет человека, которого вы ищете».

Нетрудно понять удивление Брише при чтении этого письма. «Так кто же в продолжение десяти лет пользовался пенсией и расписывался в получении?» – спрашивал себя прокурор, пораженный этим известием.

После выздоровления слуги Брише показал ему письмо, отвергавшее самое существование Пижо. Представьте же себе изумление Колара, заинтересованного в этом деле более, чем кто другой; он сейчас же захотел убедиться в справедливости известия и отправился в Нанси, но он слишком понадеялся на свои силы, еще не восстановившиеся после болезни, и через неделю пришло от него письмо с уведомлением о нездоровье, задержавшем его дальнейшее путешествие. В тот же день почтальон принес письмо на имя Полины; к ней писал отец из Брюсселя, сообщая, что он попался в каком-то политическом заговоре и друзья спасли его от преследования полиции, дав возможность бежать, почему он и находится теперь в Брюсселе и, вероятно, останется здесь навсегда.

«Должно быть, он принял прокурора за сыщика и тщательно скрывал свое место жительства», – подумал Брише, когда жена рассказала ему о содержании письма, и немедленно послал Колару приказание прекратить свои напрасные поиски и возвратиться в Париж, как только позволит здоровье.

Через две недели слуга возвратился бледный и сильно утомленный. Это была единственная неприятность, причиненная тестем своему зятю. Колару надо было посылать деньги вместо Нанси в Брюссель. Но увы! Ничто не вечно в этом мире, а счастье – в особенности; это пришлось испытать и Брише после семнадцати лет полного блаженства, – он лишился своей жены, умершей от воспаления легких: она оставила ему в утешение прелестную шестнадцатилетнюю дочь, такую же добрую и умную, какой была сама. Надо сознаться, что смерть госпожи Брише подействовала на Колара более, чем на его господина; старый слуга буквально боготворил эту добродетельную и скромную женщину; он знал, сколько доброты заключалось в этом сердце, уже переставшем теперь биться. Но и она вполне оценила редкую преданность слуги, и в последнюю минуту, когда он рыдал, сидя у ее изголовья, а Брише находился почти в бессознательном состоянии от горя, она тихо сказала верному слуге:

– Береги мою дочь!

Эту последнюю волю умирающей Колар свято выполнил; он перенес на дочь всю свою любовь к матери. Никогда молодая девушка не была окружена такой нежной заботой! Одно ее слово или желание были приказанием для неутомимого старика, сделавшегося рабом Полины. Сам Брише очень тосковал и плакал, а потому его печаль, как всякое сильное чувство, не могла быть долговременна. Привыкнув видеть возле себя ласковую и заботливую жену, он страшно

скупал один в своем роскошном доме и через два года вдовства решил, что можно найти потерянное счастье во втором супружестве. Ему было тогда пятьдесят два года, а в эти лета люди всегда делаются эгоистами, забывая о своей старости; он искал жену молодую.

Но чтобы друзья не осуждали его за такую глупость, он уверял их, что молодая госпожа Брише будет не мачехой, а подругой для его дочери.

После долгих поисков он остановился на Авроре Фукье, дочери капитана, сделал предложение ее отцу и получил его согласие; капитан с радостью ухватился за зятя, который хотя и был старше его летами, но зато богач. Сообщая слуге о своей женитьбе, Брише считал нужным прибавить, как будто извиняясь:

– Ты знаешь, добрый мой Колар, я был совершенно один в мире! – говорил он жалобным тоном, надеясь растрогать старика.

– Один? А дочь ваша! Или вы забыли о ней? – сухо спросил слуга.

– Что ты говоришь! Ведь для нее-то я и жертвую собой, решаясь жениться. Моя будущая жена и Полина – одних лет и потому будут любить друг друга, как родные сестры.

Колар с грустью посмотрел на своего господина, но не произнес более ни слова.

В хлопотах о женитьбе Брише совершенно забыл свою покойную жену и не выдавал более пенсионера сапожнику Пижо, своему первому и как бы несуществующему тестю; этот последний, вероятно, нашел такой поступок вполне справедливым, так как с его стороны не было никаких требований.

«Он, должно быть, умер», – подумал Брише.

На следующий месяц была свадьба Авроры Фукье с Брише, и у его шестнадцатилетней дочери появилась мачеха, которой не минуло и двадцати лет. Вторая жена не любила уединения, и в их доме начались балы, царицей которых была признана новобрачная. В продолжение шести недель супруг был на седьмом небе, но потом, в один прекрасный день, ему сделалось скучно, на другой день он стал сумрачен, а на третий веселый Брише превратился в сурового и молчаливого человека. Наконец в одно прекрасное утро он объявил, что отправляется путешествовать, и, несмотря на возражения домашних, уведомил об этом друзей своих. Самым лучшим его другом был господин де Бадьер, занимавший место судьи в Шатле; когда Брише сообщил ему о своем решении, тот вскочил со стула, думая, что друг его рехнулся.

– Ну, – вскричал он с негодованием, – видно, горбатого могила исправит! Да ты знаешь ли, Виктор, что тебе пятьдесят лет, а ты теперь вспомнил о своих юношеских фантазиях – ведь это немного поздно!

Брише принужденно улыбнулся.

– О! – сказал он. – Сколько шума из-за пустой поездки на несколько лье.

После этого разговора прошло два дня. На третий день Колар, войдя рано утром в комнату своего господина, нашел ее пустой. Брише исчез ночью, оставив на камине, под портретом герцога, коротенькую записку, в которой извещал жену и дочь о своем отъезде. Должно быть, он взял с собой только один маленький чемодан, так как никто из людей не помогал ему ночью. Такой незначительный багаж позволял предположить, что путешествие будет непродолжительно, как Брише и говорил своим товарищам, и потому первое время о нем никто не беспокоился. Целый месяц не было никаких известий, на второй месяц начали удивляться, но все еще были спокойны. Товарищи, вспоминая его прежнюю страсть к путешествиям, думали, что он заехал немного дальше, чем предполагал, и смеялись над странным вкусом человека, для которого скитания по белому свету были приятнее спокойной жизни в кругу своих близких. Но месяцы шли за месяцами, а известий не было; судья употребил все старания, чтобы найти исчезнувшего друга; в этих поисках самым деятельным его помощником был Колар; хотя честный слуга и сердился на господина за вторую женитьбу, считая ее несправедливостью по отношению к Полине, но при этом странном исчезновении неприязнь сменилась прежним

расположением. Бегая по конторам почтовых карет, Колар нашел наконец имя Брише в списке пассажиров, отправлявшихся в Шартр, но в этом городе уже терялся всякий след.

Продолжал ли Брише путь? Вернулся ли назад в Париж? Это последнее предположение было очень правдоподобно, так как легко могло случиться, что по дороге в Париж он сделался жертвой одного из частных убийств, совершаемых Картушем и его шайкой. Колар осматривал каждый труп, найденный полицией, но, к счастью, ни в одном из них не признал он своего господина. Короче говоря, по прошествии двух лет Брише не появился, и, несмотря на все старания, нельзя было узнать, жив он или нет.

Читатель теперь легко поймет чувства судьи, когда на допросе Картуш произнес имя его друга, тщетно разыскиваемого в течение двух лет. Несмотря на фамилию, названную преступником, несмотря даже на портрет, так верно передававший черты Брише, де Бадьер отказывался верить в возможность какой бы то ни было связи между убийцей и человеком богатым, счастливым, славившимся неподкупной честностью.

«Ничто не могло их объединять», – думал де Бадьер.

– Какое участие принимал в ваших грабежах тот, кого вы называете прокурором? – спросил он, собравшись с духом.

– О! Это была слишком ловкая обезьяна, чтобы запускать лапу в горячие уголья; он довольствовался тем, что давал советы и указывал места, где можно погреть руки, – отвечал Картуш.

– Сколько лет этому человеку?

– Пятьдесят пять или пятьдесят шесть.

При этом ответе судья почувствовал дрожь во всем теле, так как это были именно лета его друга. Записывая показания преступника вместо своего писаря, де Бадьер следил глазами за Богреном, спокойно развалившимся в кресле, боясь, что он проснется и услышит обвинение, известное пока только одному судье, так как полицейские агенты стояли слишком далеко и ничего не могли слышать.

– Где можно найти этого человека? – спросил судья.

– На улице Бюшери, в доме номер двадцать; он живет на третьем этаже; надо постучать пять раз – тогда он отворит окошечко, сделанное в двери. Сказать следующий пароль: «Поговорим о герцоге Вивьенском», он сейчас же пустит к себе.

– Давно ли он вступил в ваше общество?

– Два года назад.

Это как раз совпадало со временем исчезновения Брише; судья записал с лихорадочной поспешностью ответ доносчика. В эту минуту на площади поднялся страшный шум, разбудивший писаря; старик вскочил, испуганно озираясь. Начинало светать, и народ, утомленный бессонной ночью, требовал так давно ожидаемого преступника; этот страшный рев толпы напомнил Картушу, что наступил час мучительной смерти, и он потерял наконец свое циничное хладнокровие, не покидавшее его во все время допроса.

– Имеете ли вы еще что сообщить мне? – спросил судья, торопясь окончить эту нравственную пытку.

– Нет, – едва слышно пробормотал преступник.

По знаку судьи палач увлек свою жертву. Минут через пять раздался глухой удар, сопровождаемый резким криком, означавшим, что пытка злодея началась. В ту же минуту судья говорил Богрену, сконфуженному своим долгим сном:

– Возьмите эти бумаги и отнесите их в управление Шатле.

Если бы писарь знал, что случилось во время его сна, то очень бы удивился, не найдя среди прочих бумаг доноса на Брише; это бы еще ничего, он мог затеряться, но если бы Багрэн знал, что бумага лежит в кармане судьи вместе с браслетом, то что подумал бы почтенный писарь о всеми уважаемом господине де Бадьере?

Глава III

Среди общей радости по случаю избавления от Картуша и его разбойничьей шайки один человек был печален – судья де Бадьер. Освободившись от своих занятий в городской думе, он пошел бесцельно бродить по Парижу, спрашивая себя, не во сне ли он видел допрос знаменитого разбойника. Ему хотелось сомневаться, но действительность предстала перед ним, когда он нечаянно опустил руку в карман и его пальцы ощупали бумагу, на которой он своей рукой записал донос на друга.

«Нет, это невозможно! – говорил он сам себе. – Что могло привести честного и доброго Брише к безбожному злодею Картушу? Да и с какой целью? Что могло заставить Брише сделаться грабителем?»

Несмотря на все эти рассуждения, перед господином де Бадьером постоянно возникал вопрос: так зачем же он уехал? Не будучи в состоянии объяснить причину странного бегства прокурора, судья отказался решить эту трудную задачу и возвращался к прежним колебаниям: «Может быть, сообщник Картуша имел большое сходство с Брише и мошенники в шутку дали ему это имя как прозвище. Я уверен, что найду очень много общего между моим бедным другом и этим негодяем, когда он явится в суд».

При мысли об этом судья в нерешительности остановился.

«Да, – думал он, – но что, если я вдруг узнаю в преступнике самого Брише и должен буду признать его виновным?»

Но вера в честность своего друга была так велика, что страх увидеть в мошеннике бывшего товарища быстро прошел, и он начал смеяться над своими опасениями.

«Да я просто с ума сошел и, веря в подобную нелепость, обижаю моего бедного Брише».

Но в ту же минуту у него появилась мысль, заставившая его вздрогнуть. Он вдруг вспомнил одну подробность из рассказа Картуша, позабытую им: чтобы проникнуть к настоящему или мнимому Брише, надо было произнести следующий пароль: «Поговорим о герцоге Вивьенском!» Судья хорошо помнил, как друг чтит память покойного герцога.

Откуда взялось это имя и не указывало ли оно, что сообщником Картуша был действительно Брише? Погруженный в эти размышления, де Бадьер шел по улицам совершенно бессознательно и очнулся, увидев перед собой дом исчезнувшего друга.

«Что мне делать? – думал он. – Если Брише и виновен, могу ли я покрыть позором его дочь и жену? Может, зайти к ним; не узнаю ли я здесь чего-нибудь, что подскажет мне истину?»

Он опустил молоток, и Колар отворил дверь.

– Не получали ли вы известий о моем господине? – спросил он.

У старого слуги превратилось в привычку задавать этот вопрос при каждой встрече с судьей. Тайнственное исчезновение прокурора, казалось, сделалось единственной заботой преданного старика. Судья так часто отвечал отрицательно на этот вопрос, что Колар невольно вскрикнул, когда де Бадьер задумчиво произнес:

– Да, получил, – и тотчас же прибавил: – Есть известия, но странные!

Занятый своими мыслями, судья говорил машинально, не сознавая даже, что говорит, но, услышав крик, быстро поднял глаза.

– Что с тобой, Колар? – вскричал он при виде слуги, бледного как полотно и схватившегося дрожащими руками за косяк двери, чтобы не упасть; от сильного волнения он весь трясся.

– Ах, сударь, вы меня просто поразили, – сказал он слабым голосом, – когда вы сказали, что получили известия, я думал, господин мой нашелся. Но эти известия... странные, как вы говорите, ясно доказывают, что его нет в живых. Переход от радости к отчаянию – слишком сильное ощущение для моих лет, потому что ведь я угадал, господин судья, наш барин умер?

В голосе Колара слышалась такая глубокая скорбь, что де Бадьер сейчас же сказал про себя: «Он так любит Брише, что поможет мне, если я доверюсь ему».

Крупные слезы катились по лицу слуги, и он тихо повторял: «Мой бедный господин умер!»

Судья отстранил Колара, стоявшего на пороге, и вошел в переднюю, говоря:

– Успокойся, мой друг, и скажи мне прежде всего, где твои госпожи?

– Чтобы избавиться от крика и шума толпы, привлеченной казнью, они обе удалились во внутренние комнаты. – И Колар хотел выйти, прибавив: – Я доложу о вас.

Судья поспешно удержал его:

– Нет, Колар, не беспокой дам, мне нужен ты. Пойдем в маленькую приемную.

Судья прошел в следующую комнату, за ним последовал и Колар с выражением грустного удивления на лице.

– Постарайся припомнить всю твою жизнь в этом доме и скажи мне, давно ли ты служишь здесь? – продолжал судья, посадив старика возле себя.

– Через два месяца будет двадцать два года, как я живу здесь; я поступил за два года до первой женитьбы моего господина.

– Ничего особенного не случилось до женитьбы? Была ли действительно первая жена сиротой, как говорил сам Брише, не знаешь ли ты?

Существование сапожника Пижо было тайной господина, и верный слуга не решился ее открыть.

– Да, круглая сирота, – сказал он.

– Не было ли у нее других родных, с которыми у Брише могли быть неприятности?

– Нет, никого не было.

– А у твоего господина не было ли знакомых, с которыми бы он враждовал?

– По смерти отца своего мой господин остался один в этом мире.

– Но до твоего поступления не было ли у Брише с кем-нибудь крупной ссоры, не говорил ли он тебе, что хочет отомстить кому-нибудь?

– Из своей прошлой жизни мой господин вспоминал только одного человека, да и то не с ненавистью.

– Кого же именно?

– Герцога Вивьенского.

При этом ответе судье показалось, что он слышит голос Картуша, говорившего ему: «Пароль следующий: “Поговорим о герцоге Вивьенском!”»

– Не знаешь ли ты, – продолжал де Бадьер, – почему господин твой любил герцога, умершего за тридцать лет до его рождения?

– Это была тайна между отцом и сыном.

– А он не передал ее третьему лицу?

– Я думаю, что она была известна его первой жене.

– А дочь знает?

– Не думаю.

– А вторая жена?

– Я уверен, что нет. Недавно она спрашивала, почему портрет герцога стоит на самом почетном месте, и хотела заменить его своим. Герцог спасся только благодаря тому, что моя госпожа решила вставить свой портрет в пустую раму, стоявшую напротив. После второго брака господин Брише заказал эту раму для своего собственного изображения во весь рост.

– Где же этот портрет?

– Он не был нарисован, потому что в это время мой господин исчез.

– Так что теперь ничто не напоминает вам черты исчезнувшего хозяина дома?

– К сожалению, нет. Был только портрет в миниатюре, принадлежавший мадемуазель Полине. Она вздумала вставить этот портрет в браслет, и на Рождество у нее украли его во время Всенощной.

Де Бадьер невольно ощупал браслет, лежавший у него в кармане. Ничто в ответах Колара не навело его на новый след. Но он все надеялся.

– Послушай, друг мой, постарайся вспомнить, что говорил и делал твой господин накануне своего отъезда?

– Да я вам повторял раз сто, господин де Бадьер, что его целый день не было дома.

– Где же он мог быть?

– У вас.

– Это правда, но у меня он пробыл не больше часу.

– У своего нотариуса, может быть, – сказал Колар с легким колебанием, как бы припоминая что-то.

– Что же он делал у своего нотариуса? Писал завешание, как ты думаешь?

Вместо ответа Колар недоверчиво посмотрел на судью, как бы спрашивая, к чему ведут все эти расспросы. Де Бадьер понял его мысль.

– О! – вскричал он. – Не бойся, мой добрый Колар, все, что я делаю и говорю, в интересах твоего господина. Я повторяю мой вопрос: так ты предполагаешь, он хотел сделать духовную?

– Я думаю, хотел, потому что собирался путешествовать.

– Уверен ли ты, что он собирался путешествовать?

Колар опять недоверчиво взглянул на судью.

– Так куда же он хотел отправиться? – сухо спросил старик.

– Бог знает, может быть, на какое-нибудь опасное свидание или рискованное предприятие.

Колар взглянул на судью и побледнел, как бы испугавшись чего-то.

– Отчего ты бледнеешь? – спросил де Бадьер, заметив сильное волнение старика.

– Потому что вы замучили меня своими вопросами. Я догадываюсь, что вы принесли в наш дом горе, и чувствую, что нам грозит какое-то страшное несчастье и оно принесет мадемуазель Полине страдания более ужасные, чем принесла бы смерть отца.

При последних словах Колар зарыдал. Имя Полины, произнесенное слугой, прекратило всякую борьбу между чувством долга судьи и его дружеской привязанностью к семейству Брише. Мысль, что он покроет позором невинную молодую девушку, если исполнит свои обязанности, заставила замолчать голос совести.

– Так ты очень любишь Полину? – спросил он старика.

– Да, мать ее, умирая, поручила свою дочь мне, – отвечал слуга с энергией, странно противоречившей его недавней слабости.

– Ты так же любишь и Брише?

– Да, – повторил слуга с возвратившейся недоверчивостью.

– Ну так в интересах Полины и отца ее я дам тебе поручение, но ты должен поклясться, что сохранишь его в тайне.

– Клянусь! – проговорил Колар.

– Отправься на улицу Бюшери, отыщи дом номер двадцать.

– Хорошо.

– Старайся незаметно пробраться к этому дому, поднимись на третий этаж, там постучи пять раз в дверь с окошечком.

– Пять раз! – повторил слуга, с удивлением слушавший все это.

– Слушай далее; на твой стук подойдут к дверям, и ты скажешь: «Поговорим о герцоге Вивьенском!» Не забудь эту фразу. Когда дверь откроется и ты увидишь человека, хорошо тебе

знакомого, ты скажешь ему: «На вас донесли, спасайтесь скорей. Господин Бадьер подождет три дня и затем исполнит свой долг судьи». Понял ли ты?

– Да но, поступая так, избавляете ли вы барышню от несчастья? – спросил Колар, глядя судье прямо в лицо.

– Ты убедишься в этом, когда увидишь того, к кому я тебя посылаю, – отвечал судья с грустной улыбкой.

Не задавая более никаких вопросов, Колар пошел так скоро, как только позволяли его старые ноги. Через четверть часа он вошел на улицу Бюшери, нашел описанный дом, поднялся на третий этаж и, увидев дверь с окошечком, постучал пять раз.

Глава IV

После смерти Людовика XIV, который, как известно, находясь в старости под влиянием Ментенон, ударился в ханжество и ввел во дворце почти монашескую жизнь, не обращая внимания на ропот недовольных, началось прежнее веселье, превратившееся просто в разгул. Порок царил повсюду: дуэли, похищения, позорные связи, шумные оргии, публичные скандалы, драки с полицией были только невинными забавами дворянства, уверенного в безнаказанности всех своих поступков, так как сам регент подавал пример слишком свободной жизни. Брачные узы не были прочны, и часто один из супругов покровительствовал беспорядочному поведению другого из меркантильных интересов: мужья получали места и награды за красоту жен, а молодые люди, не имея больших средств, жили в роскоши благодаря щедрости красавиц. Вообще порок не скрывался, а выставлялся напоказ. Дамы высшего света под руку со своими поклонниками, не задумываясь, входили в рестораны, где плясали приказчики с хорошенькими гризетками. Соседство таких разнохарактерных компаний беспрестанно приводило к ссорам, оканчивавшимся всегда страшным скандалом, а нередко и убийством. После каждого подобного происшествия дней пять распевались песенки, сюжетом которых было последнее приключение с участием какой-нибудь знатной особы; причем имени ее не щадили, но все это скоро забывалось, так как подобные случаи повторялись слишком часто.

Между всеми ресторанами видное место занимал кабак под названием «Золотой жбан» – он находился на углу Гревской площади. Первый этаж состоял из большой залы и вместе с тем кухни, куда простой народ приходил пить плохую воду из оловянных кружек и поболтать, спокойно сидя на деревянных скамьях перед громадными столами. Если обстановка этой залы напоминала о простоте быта наших прародителей, то этого нельзя было сказать о втором этаже, где полная роскошь ожидала знатную молодежь, приходившую выпить превосходного вина, недоступного посетителям нижнего этажа. Две маленькие комнаты, тщательно скрытые от глаз любопытных, были к услугам желающих.

Хотя «Золотой жбан» никогда не пустовал, но бывали дни, в которые там буквально можно было задохнуться, – именно в дни казней, – так как публике было очень удобно смотреть в открытые окна на это интересное зрелище и в то же время наслаждаться кулинарными произведениями известного повара.

Итак, 12 января кабачок был полон, к великой радости хозяина, весело потиравшего руки при известии, что Картуш потребовал второго допроса; задержка казни приносила ему доход, потому что с каждым часом увеличивалось число опорожненных бутылок. Но самыми дорогими из них были те, которые хозяин сам носил в одну из отдельных комнат, где пировали четверо мужчин и три женщины. Все это общество явилось не разом. Сперва пришла одна пара, кавалер с дамой: мужчина был высокий и красивый молодой человек лет двадцати восьми, со смелым взглядом и несколько резкими манерами. Это был граф де Лозериль; несмотря на изящество и вежливый тон, он с первого взгляда производил неприятное впечатление, так как видно было, что это человек вполне испорченный, не отступающий ни перед какими средствами для достижения своих целей.

Дама его была грациозна, изящна и очень хороша собой. Четыре года назад умер ее муж, маркиз де Бражерон; двадцатилетняя вдовушка не желала терять своей свободы и отказывала всем искателям ее богатства. Наружность этой женщины была обманчива. Войдя в залу, маркиза увидела на столе семь приборов.

- Мы будем в большом обществе смотреть на казнь Картуша!
- Нас будет семь человек, и все знакомые, – отвечал Лозериль.
- Кто же именно, граф, назовите всех.
- Во-первых, Раван и его президентша.

- Веселая парочка! Хорошо. Дальше.
- Граф Ламенне с маленькой баронессой – они ведь неразлучны.
- Тоже хорошо.
- Потом нас двое, это будет шесть.
- Для кого же седьмой прибор? Для дамы, вероятно?
- Нет, маркиза, для кавалера, – отвечал Лозериль нерешительно.
- А! Для кого же именно?
- Для барона Камбиака, – отвечал Лозериль с еще большей нерешительностью.

При этом имени глаза маркизы гневно засверкали, а на губах ее появилась змеиная улыбка, но лишь на мгновение, и лицо ее снова приняло совершенно равнодушное выражение, когда она сказала:

- А! Барон Камбиак!
- Вам не нравится этот выбор, маркиза?

– Почему, мой друг? Ведь вы сказали, что соберутся все мои знакомые, а Камбиак может считаться в кругу их более, нежели кто-либо другой.

При этих словах, произнесенных маркизой с ударением, граф задрожал от бешенства, что не ускользнуло от зорких глаз маркизы. Она подошла к молодому человеку и, взглянув ему прямо в лицо, сказала с сардонической улыбкой:

– Должно быть, граф, вы страшно ненавидите Камбиака, раз решились завлечь его в западню.

Маркиза так верно угадала затаенную мысль Лозерилья, что, застигнутый врасплох, он совсем растерялся.

– О! Не краснейте, мой милый, – продолжала она. – Не надо быть особенно проницательной, чтобы понять, что вы давно искали случая встретиться с бароном и хотите воспользоваться сегодняшним днем. Приглашенный Раваном, барон никак не ожидает встретить нас обоих; не правда ли, мой друг?

Молодой человек кивнул.

– И вы подумали, – продолжала маркиза, – что мое присутствие вызовет какой-нибудь намек на прошлое, какую-нибудь неловкую шутку или даже насмешку, чем вы и воспользуетесь и затеете ссору, которую вам так давно хотелось иметь с бароном.

– И тогда я его убью! – вскричал молодой человек с бешенством, удвоенным ревностью.

– Я вам запрещаю это! – сухо проговорила маркиза, пожимая плечами.

При этом ответе Лозериль побелел как полотно и вскочил, сжимая кулаки.

– Вы мне запрещаете, – прошептал он, – значит, вы еще любите этого человека!

Маркиза несколько секунд молча смотрела на его одинокое бешенство.

«Положительно этот зверь мне пригодится», – подумала она и, расхохотавшись, сказала насмешливым тоном:

- Ай, мой бедный друг! Вы не умеете устраивать сцены – вы сразу же приходите в ярость.
- Так вы позволяете вызвать барона и убить его?
- Нет, – холодно повторила маркиза.
- Нет... Почему? Значит, я угадал, вы еще любите его?

Этот упрек, повторенный два раза, вывел из себя молодую женщину; она схватила Лозерилья за руку и, притянув к себе, проговорила со страшной ненавистью в голосе:

– Да пойми же наконец, глупец! Как ни сильна твоя ненависть к барону, но она не может сравниться с моей. Ты не можешь простить мою любовь к нему, а я... я презираю его за то, что он меня бросил... и я поклялась отомстить; но меня не может удовлетворить какой-нибудь удар шпаги, одним разом прекращающий все страдания. Это жалкая месть.

– Чего же вы хотите? – спросил Лозериль, с восхищением глядя на маркизу, которая в эту минуту была хороша, как падший ангел.

– Надо найти такую месть, чтобы, прежде чем умереть, он был покрыт позором, он и те, кто ему дорог; одним ударом я хочу уничтожить женщину, заменившую меня в его сердце, имя которой я до сих пор не могла открыть. Вот чего я хочу и рассчитываю на вас для достижения этой цели.

– Что же надо делать? – спросил молодой человек, поработанный страстной энергией хорошенькой женщины.

– Будете ли вы мне слепо повиноваться, не стараясь даже понимать мои действия?

– Да, буду.

– Ну хорошо. Так слушайте мой план: когда Камбиак войдет, мы оба будем любезны с ним. Видя меня спокойной и веселой после двухлетней разлуки, он подумает, что прошлое совершенно забыто, и не будет недоверчив к нам. После обеда Раван, как страстный игрок, непременно предложит играть в карты. – Тут маркиза остановилась и, пристально глядя в глаза Лозерилью, спросила: – Вы, конечно, умеете выигрывать?

При этом вопросе, доказавшем, какое мнение составлено о его честности как игрока, Лозериль хотел протестовать, но маркиза не дала ему и рта раскрыть, повелительно прибавив:

– Я так хочу, слышите вы? Я хочу, чтобы вы выиграли. Поняли?

Граф сделал печальную мину, говоря:

– Хорошо, маркиза, положим, что я выиграю, ну а что же потом?

– Вы будете продолжать игру, веря барону на слово, а он, как нервный игрок, при проигрыше теряет всякое самообладание.

– И при первой же его неосторожной вспышке я сочту себя обиженным и вызову его.

– Нет, граф, не вы должны его вызывать. Предоставьте это Ламенне с его змеиным языком; он непременно подшутит над неудачей барона, а вы при этом разразитесь громким смехом.

– Но Камбиак тогда вызовет Ламенне, а не меня.

– Нет, он дружен с Ламенне и простит ему шутку, а оскорбится смехом того, кого он презирает.

Эта фраза не показалась обидной Лозерилью, он не обратил на нее никакого внимания.

– В таком случае барон меня вызовет?

– Да.

– Впрочем, мне все равно, с чьей стороны будет вызов, только бы драться с Камбиаком. После вызова мы выйдем, маркиза.

– Ничуть не бывало. Получив вызов, вы произнесете следующую фразу: «Прежде чем вызывать, надо заплатить свой долг».

При этой странной развязке молодой человек с недоумением взглянул на маркизу и спросил:

– А потом?

– До остального вам дела нет. Не беспокойтесь, все устроится, как нам надо, вот и весь мой план.

– Но... – сказал Лозериль, пытаясь спорить.

– Ведь вы дали мне слово, что будете повиноваться, хоть и не поймете, с какой целью я что-нибудь делаю, – сухо прервала маркиза.

– Да, я покорюсь всему, – отвечал Лозериль.

– Ах да, я забыла еще предупредить вас: может быть, в момент вызова меня не будет в этой комнате, но вы не беспокойтесь, в это время я буду помогать нашему общему делу.

Едва окончился их разговор, как вошли граф Ламенне и Раван со своими дамами. Минут через пять дверь снова отворилась и в залу вошел барон Камбиак.

Глава V

Быстро окинув взглядом все общество, Камбиак сейчас же увидел маркизу и Лозериля. У него появилось предчувствие угрожающей опасности, и он готов был удалиться, но ему помешал Раван, стоявший недалеко от двери. Он схватил барона за руку и весело проговорил:

– А, ну вот, наконец, и Камбиак! Да иди же скорей, тебя только и ждали.

С этими словами он потащил его в комнату, но от маркизы не укрылось минутное колебание Камбиака.

«Он не доверяет», – подумала она.

Камбиак поклонился ей первой; подняв глаза, он думал увидеть холодное и даже суровое выражение на лице покинутой им женщины, но маркиза, несмотря на свою глубокую ненависть, сумела изобразить улыбку и, протянув красивую, тонкую руку, сказала голосом, слегка задрожавшим как будто от волнения:

– А, барон! Давно мы с вами не виделись! Вы не балуете своих лучших друзей.

Видя, как равнодушно относится маркиза к свершившемуся факту, Камбиак успокоился и не так церемонно раскланялся с Лозерилем, стоявшим с улыбающейся физиономией возле маркизы.

– Поди сюда, Камбиак, – закричал Раван, – я тебя представляю президентше, оказавшей благодаря Картушу большую честь своим посещением этому кабачку. Красотка нуждается в сильных ощущениях, чтобы исправить свое плохое пищеварение.

– Как, у меня плохое пищеварение? – обиженно спросила президентша.

– Увы! Душа моя, нынче вы кушаете только пять раз в день. Это верный признак того, что желудок ваш не совсем в порядке. Я боялся сообщить вам это горестное открытие.

Беленькая, розовенькая и кругленькая президентша была прелестной блондинкой, обладавшей удивительным аппетитом. По протекции Равана муж ее получил место президента в провинции, а жена осталась в Париже под предлогом расстройства пищеварения. Граф Ламенне представил барона своей даме, личности совершенно ничтожной, муж которой страдал подагрой и проводил всю жизнь в постели или в кресле.

Когда Камбиак раскланялся со всеми дамами, Раван сказал ему:

– Да, барон, почему ты один? Ведь тебе будет грустно и завидно при виде нашего счастья.

– О, он вспомнит прошлое! – возразил Ламенне, глядя на маркизу; она сделала вид, что не поняла его намека, и, сохраняя равнодушную улыбку на губах, в то же время подумала: «У Ламенне все тот же ядовитый язык, я могу на него рассчитывать, он непременно затеет ссору».

– Слушайте, – вскричала президентша, – кажется, ударили в колокол?

– Да, это значит, что преступник сошел с паперти собора Нотр-Дам, где приносил покаяние, и теперь уже скоро появится на лобном месте, – отвечал Лозериль.

– К окнам, скорей, господа, сейчас приедет осужденный, – закричал Раван.

Страшный шум заволновавшейся толпы показал, что он не ошибся в своем предположении.

– Вид преступника не принес ли облегчения вашему желудку? Как вы себя чувствуете, моя невинная голубка? – с нежностью говорил насмешник Раван своей даме.

– Да вы мне наконец надоели с вашими заботами о моем здоровье, – сердито отвечала блондинка.

– Не говорите так, счастье жизни моей! Вы меня глубоко огорчаете. Эта болезнь, главное, тем и опасна, что страдающий ею не понимает своего ужасного положения.

– Раван, вы меня раздражаете, предупреждаю вас, лучше не бесите, – прошипела хорошенькая президентша, раздосадованная вечными насмешками своего друга, забавляющегося ее прожорливостью.

– Ах, светоч дней моих! Не относитесь так легкомысленно к этой болезни. Лечитесь, умоляю вас, ангел доброты! Попробуйте пить по четыре чашки шоколаду между вашими шестью ежедневными обедами, и если они все благополучно пройдут, то надежда возвратится в мое истерзанное сердце.

В эту минуту Картуш сходил с позорной тележки, чтобы отправиться в городскую думу.

– А Картуш-то ведь удивительно как любезен к вам, звезда души моей! – вскричал Раван.

– Что такое? – спросила прожорливая блондинка.

– Вежливый разбойник подумал, что если он позволит колесовать себя сейчас же, то задержит ваш обед, а это может нанести вам большой вред, и, чтобы избавить вас от страданий, придумал дать новые показания. Я повторяю, это удивительная любезность с его стороны.

Предвкушая еду, президентша не обратила внимания на эту новую насмешку. Лучшее средство от скуки – сесть за стол. Было два часа, а в эту эпоху обедали в двенадцать, и потому все проголодались.

По первому зову хозяин и его мальчики принесли множество дымящихся блюд и бутылок с разными винами.

– Ну, – сказал Раван, – много грешков на душе преступника, а у нас, значит, много времени впереди. Так вы, пожалуйста, позаботьтесь о себе и начните серьезно лечиться, прелестная Ниша!

Блондинка ничего не отвечала, потому что уже начала курс лечения. Мы не будем описывать обед, который проходил под колкости Ламенне да насмешки Равана, каждую минуту повторявшего своей соседке:

– Делать нечего, надо покоряться требованиям вашей болезни, прелестная фея!

Но хорошенькая лакомка не нуждалась в поощрениях; ее маленькие белые зубки так и работали в прелестном ротике, всегда полном.

Взвешивая каждое слово, чтобы не выдать своих чувств врагу, Лозериль был беззаботно весел, а маркиза, казалось, совершенно забыла прошлое, так непринужденно принимала она участие в общем разговоре; наконец и Камбиак, отбросив опасения, принял участие в обыкновенной светской болтовне. Но как ни вкусны были блюда и вина, все же надо было когда-нибудь кончить этот продолжительный обед. Пробыло шесть часов, когда встали из-за стола и вернулись к окнам.

– Должно быть, злодей еще долго будет рассказывать и заставит нас провести здесь ночь, – вскричал Ламенне при виде пустого эшафота.

– Провести здесь ночь! Я ни за что не соглашусь. Если в полночь не будет совершена казнь, то я попрошу господина Лозерили проводить меня, – сказала маркиза.

– Я уверен, что Картуш кончит свою исповедь до двенадцати часов, – возразил Раван.

– В таком случае подождем.

Еще провели час за тем, что дразнили блондинку, оставшуюся сидеть перед блюдом с пирожными, потом всем стало скучно, и Раван, как предсказывала маркиза, не вытерпел и сказал, обращаясь к мужчинам:

– Господа, не сыграть ли нам?

– Хорошо, – сказал Камбиак, забыв о своем предчувствии.

Лозериль сделал утвердительный жест. Он был доволен, что не им сделано это предложение. И, обменявшись быстрым взглядом с маркизой, он занял свое место. Сперва выиграл Камбиак, и порядочный куш, потом счастье перешло к Лозериллю, и барон проиграл, но, надеясь отыграться, он все-таки продолжал игру; счастье переходило то к одному, то к другому игроку. Раздраженный этим непостоянством игры, барон утроил свою ставку.

– О! Я не играю по-крупному, – сказал Ламенне, вставая.

– А я и без того порядочно проигрался, – произнес Раван, следуя его примеру.

Игра продолжалась между Лозерилем и Камбиаком, а маркиза, никем не замеченная, скрылась из залы. Что касается других дам, то одна из них храпела в углу на диване; президентша же заснула, опустив голову в блюдо с кремом, как храбрый воин, не покинувший поля сражения.

– Сто луидоров под честное слово, – произнес Камбиак с лихорадочной поспешностью, – он уже проиграл все наличные.

Через четверть часа он проиграл под честное слово четыре тысячи экю. Маркиза оказалась хорошим оракулом, так как в ту же минуту раздался насмешливый голос Ламенне:

– Ну, барон, вы не оправдываете известной пословицы... вы несчастливы и в картах, и в любви.

Следуя приказанию маркизы, Лозериль разразился громким смехом. Камбиак, взбешенный своим проигрышем и хохотом человека, заменившего его у маркизы, сухо спросил:

– Это Картуш ревет на площади?

– Нет, это я смеюсь, господин барон! – спокойно ответил Лозериль.

– Ну, это небольшая разница, я только спутал имена двух негодяев, – резко возразил Камбиак, выведенный из себя насмешливым тоном Лозерилья.

Раван и Ламенне хотели вмешаться, но были остановлены бароном, сказавшим им:

– Нет, друзья мои, дайте воспользоваться представившимся случаем и избавить вас от шулера.

При этом новом оскорблении Лозериль откинулся на спинку кресла и повторил, как попугай, слова маркизы:

– Прежде чем драться, честные люди платят свой карточный долг.

Гнев барона мгновенно прошел, и, дрожа от волнения, он проговорил убитым голосом:

– Вы правы, я вам заплачу.

– О, не торопитесь, у вас еще целые сутки.

Камбиак поклонился и вышел; на лестнице он позвал хозяина.

– Отведите меня в какую-нибудь комнату, где бы можно было написать записку, и пришлите ко мне мальчика, я дам ему поручение, – быстро проговорил он.

Трактирщик привел его в свою комнату, и Камбиак, написав несколько строк без подписи, сложил письмо и написал адрес. Присланный мальчик почтительно стоял все время у дверей.

– Посмотри на это кольцо, оно стоит двадцать луидоров, и я отдам его тебе, если через час ты вручишь это письмо прямо в руки и принесешь мне ответ.

Мальчик быстро исчез. Но на улице уже давно ожидали этого посла, и едва он успел сойти с лестницы, как кто-то схватил его за руку, в которой было письмо.

– Кажется, вы идете из ресторана? – спросила дама, закрытая густой вуалью.

– Точно так, сударыня.

– Не знаете ли вы, нет ли там в настоящую минуту барона Камбиака?

Мальчику захотелось щегольнуть своей проницательностью.

– Вероятно, вам барон и пишет.

– Очень может быть, – сказала дама, быстро схватив протянутый конверт; она аккуратно отклеила печать и прочла коротенькую записку следующего содержания: «Аврора, мне надо сию же минуту вас видеть, мне грозит бесчестие».

Перевернув письмо, маркиза быстро пробежала адрес.

– А, так это госпожа Брише! – едва слышно прошептала она. Потом, осторожно приклеив печать, маркиза подала мальчику письмо и золотую монету, говоря: – Мы оба ошиблись. Письмо не ко мне. Но вы постарайтесь забыть нашу обоюдную неосторожность.

И, глядя на удалявшегося посыльного, она прошептала со злобной радостью:

– Наконец я узнала, кто этот ангел-хранитель, которого ненавистный Камбиак призывает в горькие минуты своей жизни!

Брише принадлежал громадный сад, тянувшийся вдоль всей улицы и обнесенный высокой стеной, соединявшей дом с изящным павильоном, окна которого выходили в сад и на улицу. Первая жена Брише устроила в нем свою молельню. Вторая же, как светская женщина, нашла ему другое предназначение. Там, где, бывало, покойница молилась посреди мрачной и простой обстановки, красавица ввела восточную роскошь и приходила сюда наслаждаться прохладой во время летней жары, так как громадные деревья склонялись над окнами ее будуара; это было изящное гнездышко, где молодая женщина проводила несколько счастливых часов, не пользуясь никакими другими развлечениями после грустного случая, сделавшего ее полувдовой. По ее приказанию все окна, выходившие на улицу, были заколочены, и она смотрела только в сад; для сообщения с улицей была сделана в стене маленькая калитка, ключ от которой вставлен был изнутри; отворялась же она раз в неделю по воскресеньям, когда Полина шла в ближайшую церковь в сопровождении Колара.

Хотя Аврора строго соблюдала все приличия и не выезжала в свет, но это не значило, что исчезновение мужа сильно огорчало ее; брак с ним был заключен так быстро, а замужняя ее жизнь была так коротка, что она просто не имела времени полюбить своего мужа. Овдовев почти сразу же после свадьбы, Аврора была поражена исчезновением Брише в тот момент, когда она рассчитывала воспользоваться своим новым положением и весело пожить. В ее жизни богатч-муж играл роль друга, недавно приобретенного и сейчас же потерянного; она считала его своим благодетелем. Даже строгий свет не мог требовать глубокой скорби от молоденькой, двадцатидвухлетней женщины, купленной за красоту старым эгоистом, которому она скорее годилась в дочери. Но Полина судила иначе; для нее тайна, покрывавшая внезапное исчезновение отца, была мучительна, и, сознавая всю несправедливость своего предубеждения, она не любила мачеху, думая, что ее появление принесло несчастье в их дом.

Между тем как Полина оскорбилась плохо скрываемым равнодушием молодой женщины, той тоже наскучила вечная печаль падчерицы, хотя она и понимала ее горе. Итак, план Брише не осуществился: дочь его не приобрела себе подругу в его второй жене. Они совершенно отдалились друг от друга. Полина осталась в доме, где все напоминало ей об отсутствующем отце. Аврора же удалилась в павильон, и только большая приемная была нейтральным местом, где они встречались во время посещений старых друзей Брише. Обе женщины старались перешеголять одна другую во взаимной любезности, и посетители уходили, убежденные в их полном согласии. Но хотя обе хозяйки жили отдельно, каждая в своем углу, громадный дом не был мрачен и пуст. Напротив того, в его стенах часто раздавались шумные ликования человека, еще неизвестного читателю.

Это был новый тесть Брише. Но увы! Прежний был гораздо деликатнее и скромнее в своих требованиях. Новый родственник служил капитаном в гвардии и постоянно нуждался в деньгах, вот почему и дал так живо согласие на брак дочери с миллионером Брише. Высокого роста, сильный как бык, с громадными усами, придававшими ему разбойничий вид, страстный игрок, ярый дуэлист, человек сомнительной честности, капитан соединял в себе все блестящие качества отъявленного негодяя. Он считал своего зятя курицей, которую можно ощипывать.

Когда дочь его восстала, узнав о данном согласии такому старому жениху, как Брише, честный отец нашел ей утешение, говоря:

– Тем лучше, что старый, ты скорее овдоеешь, глупенькая!

– Но ведь вы знаете, что я выбрала другого, – возразила Аврора.

– Тем более надо выйти за Брише.

– Но ведь вы же не запрещали мне любить того молодого человека?

– Я и теперь не запрещаю, но это не мешает тебе взять в мужья старого прокурора, – отвечал снисходительный папаша, представитель легкой нравственности того времени.

Но дочь твердо стояла на своем, и капитан, видя, что все его планы могут разбиться вдребезги из-за упрямства молодой девушки, сказал угрожающим тоном:

– Не прикажешь ли убить сперва твоего голубка, тогда ты, может быть, поумнеешь?

Зная, что отец способен исполнить свою угрозу, Аврора испугалась за дорогого ей человека и уступила.

– Хорошо, дочка! – сказал кротко Аннибал Фукье. – Выйди за Брише, и ни один волос не упадет с головы твоего друга, да к тому же его и нет налицо, а отсутствующие всегда теряют.

Через неделю после этого разговора Аврора сделалась женой Брише, но она с такой грустной покорностью приносила себя в жертву, что даже капитан почувствовал угрызения совести и подумал во время брачной церемонии: «Аврора была покорной дочерью, и если только муженек ее не отказывается от стакана вина, то она скоро будет вдовой, я ручаюсь за это».

И действительно, Аннибал в состоянии был отправить человека на тот свет и именно таким способом, так как сам он пил много, но редко напивался допьяна, да от двенадцатой бутылки он только немного разгорячался.

Прежде Брише пугала мысль иметь подобного человека своим тестем, но потом он решил, что, выдавая ему хороший пенсион, можно будет отправить его куда-нибудь подальше; узнав же, какой дорогой ценой приходится покупать удаление Аннибала, только вздохнул, с грустью вспомнив тестя сапожника, довольствовавшегося такой ничтожной суммой.

Понятно, что чувствительный капитан не очень-то грустил об исчезновении зятя и поспешил воспользоваться случаем: под предлогом опасности одиночества для обеих женщин он совсем поселился в доме Брише. Сладко кушая и опорожняя бесчисленное множество бутылок из прокурорского погреба, капитан чувствовал себя как в раю. Щедрый, как все кутилы, он делился своим счастьем с друзьями, такими же бездельниками, как он сам, смотревшими на этот огромный дом как на гостиницу, хозяином которой был Аннибал Фукье. Часто на втором этаже раздавался шум оргий и ссор этого благопристойного общества.

Блаженство капитана было бы беспредельно, если бы не существовало человека, возмущавшего его честную душу. Мы говорим о старом управляющем Коларе; и покуда Аннибал довольствовался кутежами с товарищами, старик ничего не говорил, хотя не скрывал своего негодования при виде их безобразий. Он ежегодно платил пенсион, назначенный самим Брише при том условии, что капитан не будет жить не то что в его доме, но даже близко; но Колар снисходительно относился к несоблюдению этого условия. Когда же Аннибал потребовал увеличения пенсион, то управляющий наотрез отказался и никакие угрозы не произвели желаемого действия на старика.

– Надо удвоить эту жалкую сумму, – ревел Аннибал.

– Дождусь приказаний моего господина.

– Да он у черта в лапах.

– Тем более надо подождать, – возражал флегматичный управляющий.

Тогда капитан начал выживать старика из дома, но его поддержала Полина, искренне любившая преданного слугу. За него вступился и нотариус, распоряжавшийся состоянием Брише; он объявил, что обязан выдавать проценты лицу, пользовавшемуся полным доверием отсутствующего господина. Аннибал прибег к помощи своей дочери, но она, зная неподкупную честность Колара и умение отца распоряжаться чужими деньгами, взяла сторону управляющего. Таким образом старик отстоял свои права и, конечно, не сделался щедрее по отношению к буйному капитану, продолжая терпеливо выносить его буйные выходки. Но однажды и он потерял свое обычное хладнокровие, когда тот кричал с пеной у рта:

– Постой, дай только убедиться в смерти моего зятя, и тогда я тебя вытолкаю отсюда, старый скряга, и дочь моя наконец-то будет полной хозяйкой.

– А барышня, вы ее ни во что не ставите?

– Полина-то твоя? Эта противная комедиантка меня не стеснит, я очищу дом от всей дряни, клянусь тебе.

При этих словах Колар выпрямился и, устремив свои серые глаза на колосса, резко произнес:

– Осмелюсь только, капитан!

– Да ты меня, кажется, испугать хочешь? Вот потеха-то! Господин Колар собирается вызвать меня на дуэль! Ха-ха! Покажи-ка твою шпагу, старый дурак!

Колар пожал плечами:

– Зачем шпага! И от малой дозы яду околевают быки посильнее вас.

Это было сказано так решительно, что капитан почувствовал дрожь во всем теле и задумчиво пробормотал:

– Такое животное в состоянии исполнить свое обещание.

Таково было положение дел в доме Брише до дня казни Картуша, когда судья дал поручение Колару. После ухода управляющего де Бадьер взглянул на часы. Было более двенадцати, обыкновенное обеденное время; значит, хозяев можно найти в столовой, и, немного подумав, он велел доложить о себе.

Обе дамы сидели за столом в обществе капитана, проигравшего в эту ночь все деньги и потому возвратившегося домой к обеду, так как в ресторане нечем было заплатить. Конечно, он был в самом отвратительном расположении духа и все время ворчал, выжидая, когда какая-нибудь неловкость со стороны лакея даст ему возможность разрядиться и излить весь свой гнев. Дамы не обращали никакого внимания на его бурчание. Живя в одном доме с этим свирепым животным и питая к нему полное отвращение, Полина старалась забыть о его существовании, но не скрываемое ею презрение к капитану увеличивало с каждым днем его ненависть к молодой девушке. Полина сидела уже за столом, когда Аннибал вошел, и потому ей неловко было уйти, но, если бывало возможно, она всегда удалялась при его появлении: если же он обедал за общим столом, то молодая девушка приказывала подавать в свою комнату.

Аврора же была совершенно равнодушна и по привычке не обращала внимания на выходки своего отца. Да к тому же принесенная в это утро записка совершенно расстроила ее.

Прочитав, она страшно побледнела и сказала мальчику:

– Передайте ему, кто вас послал, что его ждут сейчас же, он сам знает где.

Потом она провела несколько часов в своем павильоне и вышла оттуда бледная и сильно взволнованная. Полина, увидев судью, бросилась к нему на шею и, не слушая его возражений, приказала принести еще один прибор. Проведя ночь на допросе, де Бадьер был голоден и не очень упорно отказывался от обеда, да и к тому же ему надо было дожидаться возвращения Колара. Аврора старалась скрыть свое беспокойство, рассыпаясь в любезностях перед вновь прибывшим; на капитана же приход судьи подействовал благотно: гнев его мгновенно прошел, так как неустрашимый Аннибал боялся всех судей в мире; теперь он сидел молча, стараясь не обращать на себя внимания, даже ел без обыкновенного чавканья.

Несмотря на все усилия, по временам Аврора делалась рассеянной и забывала о госте; наконец она задумалась и после нескольких минут глубокого молчания сказала лакею, прислуживавшему за столом:

– Скажите Колару, что мне надо с ним переговорить.

– Его дома нет, – отвечал слуга.

«Это животное никогда не найдешь, когда нужно», – подумал Аннибал, сердившийся на Колара за недавний, вторичный отказ прибавить ему денег.

– Это моя вина, что Колара нет. Я позволил себе послать его по одному безотлагательному делу, – сказал судья, обращаясь к Авроре.

Она поклонилась. В доме Брише на де Бадьера смотрели как на самого близкого родственника, и потому его поступок никого не удивил. Когда все встали из-за стола, раздался глухой удар молотка.

– Колар возвратился, – доложил слуга.

– Хорошо, велите ему подождать меня, но пусть сперва сообщит господину де Бадьеру, выполнил ли он его поручение, – сказала Аврора, направляясь к двери, ведущей в сад. Проходя мимо судьи, она поспешно проговорила:

– Я сейчас вернусь.

Но у выхода она встретила с отцом, и он остановил ее со словами:

– Нет ли у тебя несколько луидоров для твоего отца?

– Да разве у меня деньги могут залежаться, – ответила она.

– Да ты подумай, где-нибудь найдется два или три луидора.

Дочь давно поняла всю низость отца, продавшего ее старику из-за своих корыстолюбивых видов; при этом беспрестанно повторявшемся выпрашивании она не могла скрыть своего презрения к нему. Но Аннибал не понял ее насмешливого тона, думая, что она не знает, как ей поступить, – дать или не дать, – и поспешно прибавил:

– Я тебе отдам все, что взял за это время, честное слово! Как только получу от этого противного Колара, так сейчас же заплачу.

Эта фраза, должно быть, напомнила о чем-то Авроре; она взглянула прямо в лицо капитану и резко сказала:

– Вот как! Вы нынче платите ваши долги?

При этих словах дочери Аннибал принял вид невинно оклеветанного человека:

– Как, ты сомневаешься в честности своего отца! Несчастливая! Отца... который...

Но Аврора прервала его тираду.

– В таком случае вы бы должны были заплатить пятьдесят тысяч франков, украденных у барона, – сухо произнесла она.

– Откуда эта сорока узнала о том, что быльем поросло, – проворчал Аннибал, внезапно покинутый дочерью на том самом месте, где они разговаривали; чувствуя неловкость своего положения, он быстро зашагал по аллее и, глядя вслед удалявшейся молодой женщине, задумчиво пробормотал:

– Почему сегодня моя милая и скупая дочка все запирается в своей избушке на курьих ножках?

И, сойдя с лестницы, Аннибал пошел за ней. Выйдя из-за стола, Полина сказала судье:

– Покуда Колар будет давать вам ответ, я пойду принять своих бедных, они уже ждут меня.

Таким образом, управляющий остался наедине с де Бадьером, ожидая увидеть старика взволнованным от неожиданного свидания. Но он ошибся – Колар был, по обыкновению, совершенно спокоен.

– Ну что же? – начал судья, удивленный этим хладнокровием.

– Ну, господин судья, я нашел дом, поднялся на третий этаж, постучал в дверь с окошечком пять раз, и тогда...

– Тогда окошечко осторожно отворилось и ты произнес пароль? – нетерпеливо перебил судья.

Вместо ответа Колар с улыбкой посмотрел на него.

– Да говори же! – почти вскричал судья.

– Так это была не шутка? – с удивлением спросил управляющий.

– Что такое?

– Да эта сказка об окошечке и имени герцога, которое я должен был произнести.

– А разве не так все случилось, как я сказал? – спросил в свою очередь изумленный де Бадьер.

– Едва успел я стукнуть в пятый раз, как дверь отворилась и кто-то сердито закричал: «Разве вы думаете, что я оглох?»

– Это и был хозяин квартиры?

– Да.

– И ты узнал его?

– Да.

В начале рассказа Колара судья успокоился, подумав, что Картуш сделал ложный донос; даже мысль, что мошенник провел его, не казалась обидной для его самолюбия.

«Должно быть, разбойник узнал, бог знает как, о нашей дружбе с Брише и перед своей попыткой доставил себе удовольствие помучить меня», – подумал он.

Но радость де Бадьера исчезла, когда Колар ответил, что узнал хозяина таинственной квартиры.

– Так ты его знаешь? – с трудом проговорил судья.

– Еще бы не знать! Сколько лет виделись мы с ним каждый день в этом доме.

Судья чувствовал, что не в состоянии произнести ни одного слова. Старик простодушно продолжал:

– Я передал ему ваше поручение слово в слово.

– И что же он сказал? – дрожащим голосом спросил судья.

– Он внимательно выслушал.

– И обещал уехать?

– Да, но с оговоркой. Он сказал, что, прежде чем бежать, надо узнать, какая опасность ему угрожает. И потому завтра он придет к вам с женой и с детьми.

Трудно описать, с каким удивлением судья повторил:

– С женой и детьми! Так ты не о Брише говоришь?

Колар вытаращил глаза.

– Как! – вскричал он. – Господин судья думал, что посылает меня к моему дорогому барину?

– Так кто же тот человек, которого ты и прежде знал?

– Это Шавель, кровельщик, работавший у нас до падения, совершенно его изуродовавшего.

– Давно ли он живет в этом доме?

– Шестнадцать лет.

Судья глубоко вздохнул, поняв, что Картуш подшутил над ним; но надо было объяснить эту загадку управляющему, и судья рассказал о доносе казненного преступника. Старик слушал с большим вниманием, приговаривая каждую секунду:

– Ах он разбойник! Ах негодяй!

Едва успел де Бадьер окончить свой рассказ, как в комнату вошла Аврора, а за ней капитан, тоже возвратившийся из сада. Он сердито ворчал, как человек, потерпевший в чем-то неудачу:

– Ну, голубушка! Уж как ты там ни запирай окна и двери, а я узнаю, что ты затеяла в своем таинственном павильоне.

Аврора подошла к судье.

– Господин де Бадьер, – сказала она, – Колар вам более не нужен?

Судья сделал отрицательный жест, и управляющий пошел вслед за молодой женщиной на другой конец залы. Аврора уже хотела заговорить, как вдруг вошел слуга и, подойдя к ней, сказал так громко, что все присутствующие услышали его:

– Какой-то молодой господин желает видеть капитана.

В присутствии судьи Аврора не хотела оскорбить отца, не приняв его знакомого.

– Просите, – сказала она.

Минут через пять дверь открылась и слуга доложил:

– Граф де Лозериль.

Лозериль вошел, держа руку на шпаге и гордо откинув голову. Услышав это имя, Аврора вздрогнула и страшно побледнела; устремив глаза на молодого человека, она совершенно забыла, что хотела сказать Колару.

Глава VI

Лозериллю виден был только капитан, направлявшийся ему навстречу, и, не зная, что тут находятся и другие лица, он громко сказал подошедшему Аннибалу:

– Дорогой Аннибал, через несколько часов мне предстоит дуэль, могу ли я на вас рассчитывать как на своего секунданта?

Быстрый, но выразительный жест капитана прервал Лозерилия. Поняв свою неосторожность, он обернулся и увидел обе группы: направо стояли Аврора и Колар, налево подле окна сидели судья и Полина, начавшая вышивать. Лозериль поклонился сперва Авроре, бледной и со сжатыми губами; она едва удостоила его небрежным кивком. Подняв глаза, молодой человек был поражен полным ненависти взглядом, брошенным на него госпожой Брише.

«Черт возьми! – подумал он. – Эта хорошенькая женщина, кажется, не очень-то любит меня».

Потом он поклонился Полине. Благородная красота молодой девушки произвела на него сильное впечатление, и он с восхищением подумал: «Какое прелестное создание!»

В то время как Лозериль кланялся Полине, Колар почтительно наклонился к Авроре и тихо спросил ее:

– Вы хотели дать мне какое-то приказание?

Но, вероятно, приход гостя изменил ее намерения, потому что она ответила ему вполголоса:

– Да, но не теперь, только не уходите отсюда.

Колар поклонился и, пройдя к камину, начал поправлять огонь, а Аврора медленно пересекла комнату и подошла к отцу. Приглашение быть секундantom Лозерилия задело чувствительную струнку Аннибала; своей любовью к поединкам он превосходил даже молодого графа; он поспешно взял шпагу и шляпу, лежавшие на маленьком столике.

– Отправимся скорей, граф, – сказал он, пристегивая шпагу.

Но Полина совершенно очаровала Лозерилия, и он, желая поговорить с ней, отвечал капитану:

– О! Мы еще успеем. Одно обстоятельство, о котором я не упомянул, задерживает нашу встречу на целые сутки.

И, придумывая, какую бы сказать любезность молодой девушке, гость направился к ней.

Хотя правительство и смотрело сквозь пальцы на беспрестанные дуэли, происходившие в то время между дворянами, но судья чувствовал, что из уважения к самому себе он должен сделать вид, будто ничего не слышал, и удалиться как можно скорей, что он и хотел исполнить, сказав Колару:

– Дайте мне мое пальто.

Несмотря на свою красоту, Лозериль не мог нравиться – в нем было что-то отталкивающее для всякого мало-мальски порядочного человека. Вероятно, и на Полину он произвел такое же впечатление, потому что, увидев, что он идет к ней, она торопливо шепнула де Бадьеру, приподнявшемуся уже со стула:

– Оставайтесь, ради бога, умоляю вас.

Между тем Аврора подошла к отцу и сказала ему дрожащим голосом:

– Задержите вашего знакомого, я прошу вас сделать мне это одолжение.

Капитан обладал способностью использовать любой удобный момент для выпрашивания денег.

При просьбе дочери он сделал серьезную мину и отвечал грустным тоном:

– Аврора, ты просишь! Ты, которая так недавно отказала в самой ничтожной сумме своему несчастному отцу.

Дочь хорошо понимала все уловки своего несчастного отца и знала, чего он хочет.

– Постарайтесь удержать вашего друга на весь день, и я заплачу за эту услугу тридцать луидоров, – сказала она.

– Ты заплатишь... Да, но когда же, мое дорогое дитя? – возразил капитан, предпочитая иметь деньги в кармане, а не ждать их.

– Через час вы их получите.

– Ну, балованное дитя, видно, всегда придется исполнять твои прихоти, – проговорил нежный папаша.

Все эти разговоры и действия наших героев заняли не более пяти минут.

Когда судья спросил свое пальто, Колар, стоявший у камина, поспешно отвечал:

– Сейчас, господин де Бадьер.

При этом имени Лозериль, приготовившийся начать разговор с Полиной, обратился к судье, любезно улыбаясь.

– А, милостивый государь! – проговорил он. – Я почти имею право быть на вас в претензии.

– За что? – с удивлением спросил судья.

– Не вы ли сегодня ночью снимали допрос с Картуша?

– Да, я.

– Вот благодаря слишком продолжительному допросу и произошла эта глупая ссора, заставившая меня обратиться к капитану.

При этих словах Аннибал от души расхохотался:

– Ах, Лозериль! Как будто для вас что-нибудь значит иметь одной дуэлью больше или меньше; я видел вас в деле и знаю, что вам это все равно что выпить стакан вина. Я просто завидую вашей ловкости.

Аврора, молча сидевшая у камина, вздрогнула при последних словах отца. Что касается Полины, то она опустила голову к работе, делая вид, что не замечает выразительных взглядов молодого человека. Лозериль весело продолжал:

– Благодаря вашему усердию мы вероятно, избавимся от всех сообщников злодея, ведь, говорят, он на всех донес.

– Это правда, – сказал судья, – он не только назвал своих друзей, но даже рассказал о тех убийствах, которые до сих пор оставались нам неизвестными.

– О всех ли? – проговорил молодой человек, недоверчиво качая головой.

– Да, о всех, – подтвердил судья.

– Ну, тем лучше, потому что мне бы очень хотелось узнать развязку одного таинственного приключения, невольным свидетелем которого я был, и потом, припоминая все подробности, понял, что это было убийство.

– Где же оно случилось? – спросил судья.

– Не далее как в тридцати шагах от этого дома на улице Двух Мостов.

Судья подумал несколько минут, как бы стараясь что-то припомнить, наконец произнес с заметным удивлением:

– Картуш и не упоминал об этом преступлении.

– А я уверен в том, что видел своими глазами, – возразил Лозериль.

– Отчего же вы не сообщили об этом полиции? – спросил де Бадьер.

– Прежде чем отвечать на ваш вопрос, я лучше расскажу вам о своем приключении.

И, обратившись к Колару, Лозериль сказал:

– Подвиньте мне кресло, пожалуйста.

Старик повиновался, а потом забился в угол залы, чтобы послушать интересный рассказ. После исчезновения Брише управляющий хватался за все, что только могло навести на след его господина.

– Мы вас внимательно слушаем, начинайте, Лозериль, – сказал капитан.

Полина невольно подняла голову, приготовившись серьезно его слушать. Аврора полулежала в кресле и, бессознательно глядя на огонь, опять погрузилась в грустные мысли, мучившие ее с самого утра.

– Вот как это было, – начал Лозериль свой рассказ. – Два года назад я служил в полку; наш эскадрон стоял в Блуа, начальником моим был хорошо вам известный капитан Фукье.

– Это правда, и я сам дал вам отпуск в Париж, – сказал Аннибал.

– Да, и по окончании моего отпуска я решил выехать на рассвете другого дня, так как друзья мои организовали прощальный ужин в ресторане. Разумеется, мы хорошо покутили, и в полночь, простившись с товарищами, я почувствовал, что голова моя отяжелела, но все еще был в состоянии найти дорогу домой, мысленно повторяя, что надо идти направо и, пройдя Два Моста, я попаду на свою улицу. Вы по этому можете судить, что голова моя была еще достаточно свежа, но, к несчастью, вечер был очень холодный, а вам, конечно, известно, какое действие производит холод на разгоряченную голову.

– Так это было зимой? – прервал судья, внимательно слушавший рассказ молодого человека.

– Да, я помню даже, в каком месяце, – это было накануне Масленицы.

– И два года назад? – внезапно вскричал судья.

– Да, в семьсот одиннадцатом году, – подтвердил Лозериль после минутного колебания.

При этом ответе Колар вздрогнул, а Полина выронила свою работу – в эту именно ночь и исчез Брише.

– Что с вами? – спросил Лозериль, пораженный странным видом своих слушателей.

И, повернувшись, чтобы посмотреть, какое действие произвел его рассказ на находившихся сзади, он увидел тот же полный ненависти взгляд, каким Аврора встретила его; она уже не сидела в задумчивой позе, а выпрямилась и, крепко стиснув пальцы на ручках кресла, с угрозой устремила на Лозерилья свои большие темные глаза.

«Что я сделал этой женщине?» – спрашивал себя молодой человек, сразу почувствовавший ненависть Авроры к себе.

Капитан, заинтересованный с начала рассказа, теперь крепко заснул; судья первый пришел в себя.

– Извините, господин Лозериль, – сказал он, – но ваш рассказ напомнил нам одну грустную историю, случившуюся именно в тот день.

– Если я упомянул о времени, то чтобы показать вам, что именно холод имел дурное влияние на меня.

– Потрудитесь продолжать, – сказал де Бадьер.

– Входя на мост, я еще хорошо соображал, но, когда перешел через него, уже не помнил, что я и где я. В этом не было большой беды, так как мне надо было идти все время прямо, но, дойдя до угла, по странной прихоти подгулявшего человека я вздумал отдохнуть и, усевшись на тумбу, начал было засыпать. Резкий ветер заставил меня открыть слипавшиеся глаза. И тогда-то я увидел странное зрелище: почти прямо на меня шел человек, не производя ни малейшего шума, потому что был без обуви, и нес на спине что-то длинное и, должно быть, тяжелое, потому что совсем согнулся под своей ношей.

– С какой стороны он шел? – спросил судья, прерывая рассказчика.

– Не могу вам сказать, я заметил его только тогда, когда он уже был на углу.

Полина, взволнованная и не понимавшая причины своего беспокойства, слушала с усиленным вниманием. Колар же, сидевший у дверей, незаметно приблизился и, казалось, ловил каждое слово; одна Аврора была совершенно спокойна и пристально смотрела на Лозерилья.

– Продолжайте, пожалуйста, – обратился к рассказчику судья.

– Человек с ношей не мог заметить меня – я был весь в черном и сидел неподвижно, – но мне вдруг пришла в голову самая дикая мысль, какая только может появиться у пьяного. – Лозериль помолчал, улыбаясь. – Да, это была именно нелепая мысль, при одном воспоминании о ней мне делается смешно. Человек остановился, чтобы перевести дух, в глубокой тишине ночи мне было слышно его частое дыхание. Прежде чем отправиться дальше, он разогнул спину, крикнул и снова взвалил свою тяжелую ношу на плечи.

– Вам не было видно его лицо? – нерешительно спросил Колар.

– Нет, он стоял ко мне спиной, – отвечал Лозериль.

– А ночь была светлая? – в свою очередь спросил судья.

– Прежде луна скрывалась за тучами, но в ту минуту, как человек с ношей хотел продолжать свой путь, она показалась в полном блеске, и тогда-то вино подсказало мне эту глупую мысль. Пошатываясь, я вышел из тени домов и закричал ему вслед: «Эй, ты, дуралей, брось свой мешок, а вместо него донеси меня до дома, я заплачу за эту услугу». Но, услышав мой голос, человек страшно вскрикнул и, сбросив ношу на землю, пустился бежать.

– В какую сторону? – с живостью спросил судья. – Теперь вам легко было это заметить.

– Вот то-то и оно, что вы ошибаетесь, господин судья; как я не заметил, откуда он пришел, так точно я не видел, куда он скрылся.

– Да ведь вы сами сказали, что луна ярко светила.

– Но я вам также сказал, что, убегая, он сбросил свою ношу. Она упала на меня, а я и без того плохо держался на ногах и от сильного толчка упал, увлекаемый этой страшной тяжестью.

– А во время вашего падения человек этот успел скрыться?

– Да, и хотя я быстро поднялся на ноги, но его уже не было видно. Может быть, он спрятался за ворота ближайшего дома или же вошел в один из них – я ничего не могу сказать, потому что не видел.

– А разве вам не был слышен шум его шагов?

– Я прислушивался у всех четырех углов улицы, но ни малейший звук не выдал его, так как, я вам, кажется, говорил, он был без обуви, да и всего вероятнее, что он притаился где-нибудь в ожидании, когда я уйду.

Излишне повторять, с каким вниманием слушали Полина, Колар и судья все объяснения Лозерилия. А Аврора, слышала ли она что-нибудь? Не под влиянием ли рассказа откинулась она почти без чувств на спинку кресла; все время она молчала, и на лице ее трудно было прочесть что-нибудь – оно было неподвижно и холодно, как мрамор. Что касается капитана, то во время этого маленького перерыва в рассказе послышался его храп; вероятно, он старался восстановить свои силы после бессонной ночи, проведенной за игорным столом.

Лозериль продолжал прерванный рассказ:

– Видя невозможность догнать убежавшего человека, я хотел уже уйти, забыв о брошенной ноше, но вдруг почувствовал что-то под ногами, тотчас же нагнулся и увидел мешок. «Ах да, – подумал я, – ведь надо посмотреть, что он такое нес!» При падении мешок раскрылся, и, заглянув в него, я с ужасом отступил...

– Там был мертвый человек? – перебил де Бадьер.

– Да, но не совсем так, потому что на другой день, когда я старался припомнить все случившееся со мной ночью, мне показалось, что несчастная жертва все еще шевелила губами. Должно быть, рана была нанесена за несколько минут до моего появления, потому что еще шла кровь, хотя уже начались предсмертные судороги.

– Где была рана?

– На шее, возле левого плеча.

– Так вы думаете, что бежавший и был убийца? – спросил судья.

– Конечно, я уверен, что он хотел бросить в Сену свою жертву, не зная, что она еще дышит.

– Конечно, вы спасли умирающего?

Прежде чем дать какой-нибудь ответ, Лозериль подумал, но сейчас же решился сказать правду:

– Позвольте, господин судья, я должен признать, что и не подумал спасти этого несчастного.

– Как же вы могли о нем забыть?

– До того времени чувство страха мне было неизвестно, но в эту минуту, может быть, под влиянием винных паров, отуманивших мой рассудок, я положительно струсил. Стоя перед окровавленным телом, я подумал, что меня могут принять за убийцу, и при этой мысли пустился бежать, как будто за мной кто гнался... – Тут Лозериль остановился и с улыбкой продолжал: – Мне и теперь делается смешно, когда я вспомню об одном прохожем, шедшем мне навстречу; я его так толкнул, что он полетел прямо в кучу снега.

– Это, вероятно, и был убийца, возвратившийся посмотреть, что сделалось с его жертвой? – сказал судья.

– Не знаю. Упавший человек был моим последним воспоминанием, сохранившимся об этой ночи. Что было потом? Я не знаю. Не помню даже, как попал в свою квартиру. На другой день я проснулся совсем одетым, но на своей постели, и лакей сказал, что меня нашли без чувств у дверей дома.

– Отчего вы не дали знать полиции? – спросил де Бадьер.

– Ведь я вам говорил, отпуск мой кончился и надо было ехать в полк. На рассвете, после нескольких часов тяжелого сна, я сел на лошадь и выехал из Парижа. В то время я ничего не помнил, но вечером, находясь уже далеко от столицы, я припомнил мое ночное приключение, но счел его за тяжелый кошмар после попойки. В продолжение трех дней моего путешествия я думал, что все это было во сне, я бы и теперь то же самое думал, если бы по возвращении в Блуа не нашел вещественного доказательства, что драма, которую я считал созданной моим воображением, была кровавой действительностью.

– Какое же доказательство? – нетерпеливо спросил судья.

– В Париже, в минуту отъезда, второпях надевая свое дорожное платье, я бросил все снятое в чемодан. Приехав в Блуа, я открыл его, и представьте мое изумление при виде кровавого пятна на правом рукаве – значит, не во сне, а наяву держал я в своих объятиях мертвеца.

Судья хотел задать вопрос, но Лозериль жестом остановил его:

– Я догадываюсь, господин де Бадьер, что вы хотите спросить, почему я тотчас же не написал в Париж. Но ведь тогда я, считавшийся в полку храбрецом, должен был бы сознаться, что дал погибнуть человеку вследствие какого-то глупого, панического страха, охватившего меня. И я решил промолчать, но во всех газетах, редко попадавших в нашу глушь, искал хоть какой-нибудь намек на таинственное убийство и, ничего не найдя, приписал его шайке Картуша. Когда я узнал, что вы снимаете допрос с Картуша, то подумал, что, вероятно, он сознается в этом преступлении, совершенном два года назад.

– Нет, Картуш ничего не сказал мне о нем, – отвечал судья, немного подумав.

– А убийство было совершено, – сказал Лозериль. – Я убежден в этом. И вот что странно. Обыкновенно время сглаживает все впечатления, а со мной случилось иначе: подробности, сперва неясные, делались все яснее и яснее. Лицо жертвы живо сохранилось у меня в памяти, и теперь, говоря об убитом, я так четко представляю себе его черты, как будто бы он находится между нами.

При этих словах судья вздрогнул и, встав со своего места, поспешно спросил:

– Уверены ли вы в этом?

– Вполне, – отвечал Лозериль, удивленный странным вопросом судьи, все время слушавшего рассказ совершенно спокойно.

– Колар, подайте свечу, – распорядился де Бадьер.

Незаметно наступили сумерки, и в зале было совершенно темно. Управляющий зажег свечу у камина и поставил ее на стол. Опустив руку в карман, судья вынул браслет, взятый им при допросе Картуша.

Увидев украденную у нее вещь, Полина вскрикнула:

– О! Портрет моего дорогого отца!

Это восклицание вывело Аврору из задумчивости, она покинула свой уединенный уголок и, устремив глаза на портрет, медленно сказала:

– Мой муж!

Весь этот шум разбудил капитана, он медленно приподнялся, потягиваясь и зевая.

– Что такое? Вы говорите о моем зятее! Разве вы получили какие-нибудь известия? – с удивлением говорил он.

Судья подал браслет Лозерилью.

– Потрудитесь нам сказать, портрет, вделанный в этот браслет, не напоминает ли вам черты человека, убитого в нескольких шагах от этого дома.

Взяв браслет, Лозериль бросил быстрый взгляд на обеих женщин, стоявших напротив. На лице молодой девушки он прочел искреннее и сильное страдание, но по лицу Авроры пробежал легкий трепет; позади виднелась заспанная физиономия капитана.

Наклонившись к свечке, молодой человек долго рассматривал портрет. Через минуту, показавшуюся всем присутствующим вечностью, Лозериль выпрямился и, устремив пристальный взгляд на Аврору, произнес совершенно равнодушно:

– Нет, это не он.

Когда Лозериль наклонялся к свечке, лицо его было скрыто от судьи, но хорошо видно Колару. Как ни быстро промелькнуло удивление по лицу рассказчика, увидевшего знакомое лицо, а управляющий заметил это.

«Он лжет!» – подумал управляющий, услышав ответ молодого человека.

Глава VII

Час спустя после описанной сцены Лозериль и капитан сидели в комнате последнего перед роскошно сервированным столом. Капитан только что получил от дочери тридцать луидоров и, желая выполнить данное обещание, не нашел лучшего средства для этого, как усадить гостя за стол.

– Ну, дорогой друг, – говорил Аннибал, – вино отличное, кушанья вкусны, времени у нас много, и мы будем наслаждаться всеми земными благами не торопясь.

Но Лозериль, считавшийся хорошим сотрапезником, не был расположен к веселью. Медленно прихлебывая вино, он казался озабоченным какой-то мыслью. Наконец и капитан заметил его рассеянность.

– Да что же это, приятель, неужели какая-нибудь пустая дуэль могла отнять у вас всю вашу веселость?

Лозериль презрительно пожал плечами.

– Да, – продолжал капитан, – я и забыл поблагодарить вас за приглашение в секунданты.

– Я не имею права принять вашу благодарность, потому что не я вас выбрал.

– Вот как! А кто же?

– Вы знаете маркизу де Бражерон?

– Еще бы. Хорошенькая дамочка! Ее нельзя не знать. Я, бывало, участвовал во многих пирушках с ее покойным мужем.

– Сегодня утром в ее присутствии я приискивал, кого бы попросить быть моим секундантом, а она вдруг и говорит мне: «Отчего вы не пригласите вашего бывшего начальника, храброго капитана Фукье; прежде это был решительный человек, может быть, и теперь он такой же, несмотря на монашескую жизнь, какую приходится ему нынче вести». Вот ее подлинные слова.

– Да, действительно, я веду теперь жалкую жизнь, – с улыбкой сказал Аннибал.

– Она-то и сообщила мне, что вы сделали тестем миллионера и живете в очаровательном замке. Да, она еще прибавила: «Вы не найдете лучшего секунданта, чем мой старый друг Фукье».

«Странно, что маркиза называет меня нынче своим старым другом, а, бывало, прежде все уверяла, что я развращаю ее мужа, и выражалась обо мне не иначе как: “Этот беспутный Фукь”», – с удивлением подумал капитан.

– И я пришел к вам по совету этой прелестной женщины, – проговорил молодой человек.

– Ха-ха-ха! – разразился капитан громким хохотом. – Знаете ли, чтобы восхвалять так женщину, а главное, советоваться с ней о всех делах, касающихся только мужчин, надо питать к ней очень нежные чувства.

После легкого колебания Лозериль сказал:

– Да, сегодня утром мне казалось, что я ее люблю.

– Да, а теперь?

– Гм! А теперь, мой друг, я вижу, что ошибался.

При этом ответе капитан не мог скрыть своей затаенной мысли.

– Возможно ли это? Говорят, маркиза очень богата и щедра к тому же.

– Да, но с ней я словно птичка на тонкой ветке, а я ищу более положительного, – возразил Лозериль, вставая из-за стола и пересаживаясь к камину.

Аннибал тоже встал и последовал за ним, ворча:

– Сегодня вы невыносимо благоразумны, а обыкновенно люди умнеют, когда у них пусто в кармане.

Молодой человек молча опустил обе руки в карманы и вытащил две огромные пачки банковских билетов, положил их на подзеркальный столик, потом вынул две горстки золота.

Увидев такое богатство, Аннибал пришел в восторг.

– О! Да у вас славный капиталец! – вскричал он.

– Да, – отвечал Лозериль, – около двадцати тысяч луидоров, и мне еще должны четыре тысячи экю. Не знаю, может быть, судьба готовит мне неприятность, но со вчерашнего дня мне удивительно везет. Всю эту ночь я выигрывал, и теперь еще счастье не отвернулось от меня; я сию минуту испытал это. По дороге к вам я зашел в один игорный дом и встретился с маркизом Бранкасом; он возвращался от регента, давшего ему двадцать тысяч луидоров для уплаты самым настойчивым кредиторам.

– И в одну минуту все эти деньги перешли в ваш карман?

– Теперь вы убедились, что не безденежье делает меня благоразумным.

Аннибал не мог отвести глаз от груды золота и банковских билетов, небрежно перед ним брошенных. Он просто пожирал их глазами.

– Что это такое? – вдруг спросил он, указывая пальцем на пачку билетов с дырой в самой середине.

Лозериль засмеялся:

– Это я имею обыкновение, когда играю в каком-нибудь игорном доме, принимать некоторые меры предосторожности, потому что однажды, в сильный ветер, два плута придумали растворить окна, чтобы устроить сквозняк, и тысяча экю билетами вылетели из комнаты, и, разумеется, как мы ни искали их около дома, но нигде не могли найти.

«Славная выдумка!» – подумал снисходительный капитан.

– И с этого дня, – продолжал молодой человек, – боясь сквозняков, я взял за правило прикалывать к столу выигранные деньги; с этой целью и ношу всегда при себе маленький кинжал. Это вместе с тем и предостережение нескромным людям, принимающим иногда чужие деньги за свои. Вот почему обе пачки с дырой.

– Мне пришла в голову отличная мысль, – сказал Аннибал, не спуская глаз с денег.

– Какая же?

– Мне хочется посмотреть, всегда ли вам везет или нет. У вас ведь есть время проверить?

– Еще бы, капитан, даже слишком много – дуэль отложена, потому что мой противник должен уплатить свой долг.

Занявшись выкладыванием из кармана денег, выпрошенных у дочери, Аннибал не заметил улыбки, появившейся на губах гостя при его предложении играть.

Прежде чем продолжать наш рассказ, отвлечемся немного.

Лозериль не лгал, говоря, что теперь уже не думает о маркизе; при первом взгляде на Полину он почувствовал внезапную страсть к молодой девушке. Это был просто каприз человека, думающего только об удовлетворении своей минутной прихоти. Ему было невыгодно терять маркизу, раздававшую золото щедрой рукой. Напрягая все силы своего ума, чтобы найти средство быстрого обогащения, он неожиданно нашел возможность получить прелестную девушку и громадное состояние. И сейчас же в этой испорченной душе составилась адский план; если бы маркиза захотела помешать, то он нашел бы средство устранить ее.

Теперь возвратимся к играющим.

Минут через десять деньги капитана перешли в руки Лозерилья.

– Положительно вам везет! – проворчал Аннибал, с сожалением провожая глазами свои последние луидоры.

– О! – грустно проговорил молодой человек. – Разве в этом счастье?

– А то в чем же?

– Помилуйте, я согласен, это счастье, но оно непрочное, завтра же, вероятно, оно изменит мне.

– Да ведь невозможно, чтобы счастье улыбалось все одному. Бог должен быть справедлив ко всем, – сердито возразил Аннибал.

– Ах, мой милый, вы просто грешите! Вы-то именно и можете служить доказательством того, что на земле бывают счастливы.

– Если я счастлив, то, кажется, не в картах.

– Не в этом дело, выигрыш не порадует вас, а проигрыш не опечалит; ваше положение несравненно лучше моего, несмотря на мое счастье в картах.

– Мое положение! Да какое положение? – спросил капитан, не понимая, к чему клонится этот разговор.

– Ну, полноте притворяться, мой уважаемый маэстро, я преклоняюсь перед вашей ловкостью.

– Я ловок! Да в чем же?

– О! Вы отлично устроили свои дела. Вы, человек без всяких средств, поймали на удочку богача-зятя.

Аннибал от души расхохотался.

– Ну, – сказал он, – вы приписываете мне то, к чему я не приложил ни руку, ни душу. Все устроилось само собой, без моей помощи. Дочь любила другого, и я уже дал ему слово, а он мне заплатил порядочную сумму.

– Он вам заплатил! Что это значит? – с удивлением спросил Лозериль.

Капитан спохватился:

– Нет, нет, я не так выразился. Вот как было дело: отдавая мою дочь, я дал ей в приданое... – Аннибал остановился, придумывая, что он мог дать дочери, но, не приислав ничего, снова продолжал: – Я ей дал только...

– Только честное имя, – подсказал Лозериль.

– Ах да, вот именно это. Черт знает, как мог я позабыть. Итак, она ничего не имела, кроме честного имени, а потому я не мог отдать ее за человека без всяких средств, хотя она и любила его; не выдавая себя за богача, он говорил, что имеет небольшое состояние, а я потребовал доказательства... Вы, конечно, поймете эту естественную недоверчивость любящего отца.

– О да, конечно!

– Это был как бы залог счастья моей дочери.

– Вот дурак-то! – пробормотал Лозериль.

– Кажется, вы сказали что-то?

– Да я говорю, что это был порядочный простофиля.

– Отчего? Бог с вами!

– Ну, положим, я не прав.

– Потом он уехал на родину, чтобы обратить все недвижимое имущество в деньги.

– А во время его отсутствия подвернулся Брише со своими миллионами. И, понятно, его предпочли, несмотря на данное слово небогатому жениху.

– Да еще бы! Всякий порядочный человек обязан позаботиться о счастье своей дочери.

– А вместе с тем и о своем, капитан.

– Да, надо и о себе подумать, на том свет держится.

– Ну а когда жених возвратился, вы отдали ему деньги.

– Да, я ему возвратил их, и с большими процентами, – нерешительно отвечал капитан.

«Плут!» – подумал Лозериль.

– Так вот вы видите, – продолжал Аннибал, – ловкость моя тут ни при чем, а просто все устроилось случайно.

– Я не отказываюсь от моих слов, мой милый капитан, если вы и не пустили в ход своих талантов для приискания богатого жениха, зато вы ловко удержали за собой завоеванное вами положение.

– Нисколько.

– Нет? Подумайте хорошенько, ведь теперь вам нечего беспокоиться о своей судьбе, зять ваш позаботится о вашем будущем.

– Я убеждал Брише сделать духовную в пользу Авроры.

– И он сделал?

– Не знаю. Ведь он исчез совершенно неожиданно.

– Ну а еще что?

– Что еще?

– Не сделали ли вы еще чего-нибудь?

– Нет, ничего больше.

– О! Капитан, вы скрытничаете даже с друзьями.

– Да, черт возьми, что же я сделал?

– О! Я вижу, надо помочь вашей слабой памяти.

Аннибал разразился грубым смехом:

– Ну, вы так положительно утверждаете, что, вероятно, вам известно, что я такое сделал, сам того не зная.

– Вы убили Брише, мой дорогой Аннибал, – хладнокровно сказал Лозериль, глядя своему собеседнику прямо в глаза.

Если молодой человек думал испугать капитана, назвав его убийцей, то он ошибся в своих расчетах. Выслушав это обвинение, Аннибал опрокинулся на спинку кресла и разразился таким громким хохотом, что стекла задрожали в окнах. Закинув голову назад и трясясь всем своим громадным телом, он рисковал получить удар, так красно было его лицо. И только через несколько минут мог он с трудом выговорить:

– Ну, дружище, куда как на выдумки хитер!

В первую минуту Лозериль был положительно озадачен, но сейчас же оправился.

– Выдумка! – глухо повторил он. – Вы, кажется, считаете шуткой убийство вашего зятя.

– Так вы все еще хотите уверить меня, что зять мой убит? – спросил капитан, отирая слезы, показавшиеся на его глазах от сильного смеха.

– Разве вы не слушали, когда я рассказывал об одном таинственном убийстве?

– Нет, я заснул, но, впрочем, к концу проснулся и развязка этого приключения объяснила мне многое.

– Я повторяю, что убитый был не кто иной, как ваш зять.

– Вы в этом уверены?

– Совершенно.

– Так отчего же, когда вам показали портрет, не признали вы в нем вашего мертвеца? – серьезно и с нажимом спросил капитан.

При этом вопросе Лозериль пристально посмотрел на говорившего, но лицо его выражало любопытство, а не страх. Вероятно, это спокойствие капитана расстраивало все планы молодого человека, и он отвечал после минутного колебания:

– Я боялся повредить своему другу.

– Ого! Вы опять начали шутить, – проговорил Аннибал недовольным тоном. – Ну, послушайте, – продолжал он, облачиваясь на стол, – будьте благоразумнее и подумайте. Ведь Брише не был ни мотом, ни пьяницей, а только труслив, как заяц, одним словом, зять мой не мог мне мешать, так как был полнейшим идиотом; с какой же целью совершил бы я это убийство? Только по трем побудительным причинам можно лишить человека жизни: из денежного интереса, из мести и, наконец, из страха. Было бы нелепо мстить полезному для меня человеку. Внушать страх такое ничтожное существо тоже не могло. Итак, согласитесь, что не страх и не месть могли побудить меня на это преступление.

– Еще остается денежный интерес, храбрый капитан; разберем эту последнюю побудительную причину.

– Извольте, разберем. Я был в страшной нищете, когда этот полоумный Брише влюбился в мою дочь. Вы сами сказали, что я воспользовался случаем и устроил свою жизнь как можно лучше. И вы не ошиблись. В брачном договоре мне назначили пожизненный пенсион. Мне было все равно, умрет ли Брише, уедет ли или исчезнет бог знает куда, – деньги бы все-таки выдавались мне. Следовательно, у меня не было интереса убивать зятя.

– А все же его убили!

– Но не я, а кто-то другой.

– Так поищем вместе, кому было выгодно убить его.

– Поищем, – сказал Аннибал.

– Прежде всего перед нами его дочь Полина.

– Хотя я от всего сердца ненавижу эту гордячку, но не могу даже заподозрить ее в таком ужасном преступлении, – возразил капитан.

– Потом старый управляющий.

– Ну, тот готов своей жизнью пожертвовать, чтобы только избавить своего господина от малейшей неприятности.

– Ну, поищем дальше. Да помогите же, капитан, кому мог мешать Брише? – медленно произнес Лозериль, устремив глаза в одну точку, как бы что-то припоминая. И он опять повторил: – Да помогите же, товарищ, ведь была же нужна кому-нибудь его смерть.

Вдруг капитан вздрогнул, как бы от внезапной мысли, мелькнувшей в его голове.

– О! – проговорил он. – Вы прямо попадаете в цель. Сперва вы терпеливо выжидаете, чтобы вернее нанести удар.

Лозериль прикинулся удивленным.

– Я вас не понимаю, – сказал он.

– Я хочу сказать, что вы начали с отца и добрались до дочери.

– О, капитан! Как могла вам прийти в голову подобная мысль! – вскричал Лозериль, обиженный.

Аннибал был совершенно серьезен; видя, что его дочери грозит опасность, он почувствовал, что и в его сердце шевельнулось чувство, похожее на родительскую любовь.

– Ну, мой милый капитан, так как все-таки предметом нашего разговора сделалась ваша дочь, конечно, совершенно случайно, то и поговорим о ней и о ее несчастном муже, – спокойно произнес Лозериль.

– А! Так вы обвиняете теперь мою дочь? – сказал капитан, и в его голосе послышалась угроза.

– Да нет же, говорят вам, – возразил молодой человек.

– Так кого же вы подозреваете?

– Это вы сейчас узнаете, если ответите на некоторые вопросы, которые я вам предложу.

– Ну, спрашивайте.

Вероятно, Лозериль добился того, что ему хотелось, потому что на губах его появилась торжествующая улыбка.

– Женившись на вашей дочери, вероятно, Брише положил на ее имя хотя бы небольшой капитал? – с живостью задал он вопрос.

– Да, зять мой подарил Авроре двадцать тысяч фунтов.

– Ну и, конечно, обещал еще что-нибудь?

– Да, он сказал, что сделает духовную, по которой все состояние перейдет к моей дочери, за исключением небольшого капитала, назначенного в приданое Полине.

– И написал это завещание?

– Если я не ошибаюсь, то написал в самый день своего исчезновения, потому что, говорят, он был у своего нотариуса.

При этом ответе Лозериль засмеялся и покачал головой.

– Однако! – вскричал он. – Они очень поторопились, не хотели терять драгоценное время и сейчас же убили бедного мужа.

Капитан широко раскрыл глаза от удивления.

– Они! – проговорил Аннибал. – Да кто же это они?

– Ах, мой друг, вы хороший актер, у вас просто талант.

– Да вот провалиться мне сейчас же, если я что-нибудь понимаю из ваших таинственных намеков.

– Невозможно, чтобы вы даже не подозревали того, кто рассчитывал, устранив Брише, убить двух зайцев.

Но капитан не умел отгадывать таких мудреных загадок; широко раскрыв рот и вытаращив глаза, он ничего не мог придумать.

– Хотите, я вам помогу? – сказал Лозериль, позабавившись несколько минут его недогадливостью.

– Ради бога, сделайте одолжение, потому что я отказываюсь от решения этой трудной задачи.

– Удивляюсь, как могли вы забыть о первом женихе своей дочери, – сказал Лозериль с особенным ударением.

– Жених моей дочери? – вскричал Аннибал. – Да какой?

– Господи! Да тот самый, которому вы дали слово; и он, желая обладать любимой женщиной, вероятно, нашел средство сделать ее миллионершей и вдовой.

– Ох! – вздохнул капитан, вперив в молодого человека свои испуганные глаза.

– Потому что, – продолжал Лозериль, – можно наверно сказать, что обманутый жених постарался напомнить предмету своей любви о их прежних чувствах.

– Вот вздор-то! Аврора давным-давно забыла его! – вскричал Фукье, стараясь сохранить хладнокровие, хотя слова собеседника и возбудили в нем подозрения.

Лозериль сделал вид, что соглашается, и, смеясь, продолжал:

– Ну хорошо, капитан, пусть это будет вздор, потому что дело касается вашей дочери, которую я уважаю. Но оставим ее, и согласитесь, ведь часто случается, что человек, отвергнутый как муж, принимается потом как друг дома, а супруг и не видит его никогда.

Аннибал смешался. Эти последние слова напомнили ему о таинственном пребывании его дочери в павильоне, возле которого он еще сегодня бродил.

– Да, – продолжал Лозериль, – сперва принимается втайне от мужа... до того дня, когда наконец друг сочтет, что как муж ни скромен, но все же он лишний на этом свете, и тогда решаются отправить его к праотцам.

Не дождавшись конца фразы молодого человека, Аннибал медленно приподнялся со своего кресла. Выпрямившись и не произнося ни слова, он, казалось, пожирал глазами своего гостя, сидевшего напротив. Не понимая, к чему клонится этот разговор, капитан чувствовал, что Лозериль опасный враг.

«Проклятый! – рассуждал Аннибал сам с собой. – Ведь он готовит нам плохой сюрприз. Не раздавить ли лучше эту гадину, пока она еще не ужалила?»

По-видимому, совершенно спокойный, как бы чувствуя себя в безопасности, Лозериль улыбаясь смотрел на капитана, хорошо понимая в то же время, что ему угрожает.

«Ага! – думал он. – Кроткая Аврора поручила своему другу убить мужа... я открыл тайну прелестной девушки... выигрыш на моей стороне, но прежде придется выдержать нападение этого разъяренного кабана, уже готового на меня броситься».

Но, к несчастью, Лозериль был безоружен. Шпага лежала на кресле не более как в шагах шести от него. Он встал не торопясь и улыбаясь, и твердо решив увернуться хитростью, если бы Фукье захотел его удержать, но Аннибал, погруженный в свои мысли, дал ему пройти.

– Утомительно долго сидеть, – проговорил Лозериль, сделав несколько шагов по комнате. Вместо того чтобы прямо направиться к своей шпаге, молодой человек пошел в противоположную сторону, потом вернулся и пошел к ней. Это была самая критическая минута, потому что надо было идти мимо капитана, а тот, поняв его намерение, мог броситься сзади и повалить на пол своим страшным кулаком. Но Аннибал все еще находился в раздумьях и пропустил Лозерилья.

– Теперь я не боюсь! – весело проговорил граф, кладя руку на шпагу.

И он быстро повернулся, чтобы быть лицом к лицу со своим врагом, но капитана уже не было в комнате; он успел выбежать и, запирая дверь на ключ, насмешливо прокричал своему пленнику:

– Не теряйте терпения, граф. Я скоро вернусь. Мне надо хорошенько подумать о всех сказанных вами глупостях.

Через несколько минут замолк шум его шагов. «Вот тебе раз! – подумал Лозериль. – Я попал в западню, старый плут пошел советоваться с дочерью и вернется убить меня, а я не могу даже позвать на помощь».

– Впрочем, – вскричал он, вынимая из ножен шпагу, – владея этим оружием, я не буду играть роль курицы в руках повара.

Но он тотчас же замолчал, ему послышался какой-то шум, и он подумал, что опасность приближается.

– Кто-то подкрадывается, – сказал он, прислушиваясь.

Действительно, кто-то подходил, осторожно ступая, чтобы не произвести ни малейшего шума, и, должно быть, прислонился к двери или посмотрел в замочную скважину, потому что дверь скрипнула. Но он не мог видеть Лозерилья, так как граф встал у той самой стены, где находилась дверь.

«Должно быть, это капитан крадется, чтобы напасть на меня внезапно», – подумал Лозериль.

Между тем ключ в замке повернулся без всякого шума и в полурастворенной двери показалось бледное и испуганное лицо.

– Ба! Это господин Колар! – вскричал Лозериль, схватив вошедшего за плечи; при этом неожиданном прикосновении управляющий вздрогнул, но, увидев графа Лозерилья, радостно проговорил:

– Слава богу! Вы еще живы!

При этих словах руки молодого человека опустились от удивления.

– Еще жив? Да почему же ты думал, что меня уже нет на свете?

– Я подумал, что капитан сделал здесь что-нибудь ужасное, потому что он очень мрачный прошел через переднюю и, бормоча про себя, отправился в сад.

– А! Так он в саду?

– Да, он, кажется, пошел в павильон госпожи Брише.

«Ну так я и знал! – подумал Лозериль. – Он пошел посоветоваться с дочерью, как ему поступить со мной. Мне нечего его дожидаться, а надо скорее уйти отсюда».

Он направился было к двери, но тотчас же остановился.

– Нет! – решительно проговорил он. – Я останусь и посмотрю, чем кончится эта комедия. – И, обращаясь к Колару, все еще стоявшему в дверях, Лозериль спросил его: – Так вы считаете, что капитан способен даже убить человека?

– Я считаю его способным на все, с тех пор как он решился сказать, что выгонит барышню из дома, который принадлежит ей одной, а никак не этим проклятым нищим.

Когда Колар произнес последние слова, то на лице его выразилась такая ужасная ненависть, что Лозериль тотчас же решил воспользоваться ею.

«Ого! – подумал он. – Старый дурак не очень-то любит папашу с дочкой. Он поможет мне усмирить капитана, когда тот начнет бесноваться». Граф сделал удивленное лицо:

– А я и не подозревал, что мне грозила смерть, и не могу понять, за что капитан хотел меня убить.

Колар с минуту колебался, потом, взглянув Лозерилью прямо в глаза, медленно проговорил:

– За портрет, который показал вам судья, а вы еще сделали вид, что не узнали.

– Как сделал вид? Да для чего бы я стал лгать?

– Из боязни обвинить капитана в убийстве моего господина. Потому что если бы вы сказали, что это портрет виденного вами мертвеца, то мы, зная достоверно о судьбе нашего господина, стали бы искать виновников этого преступления. И капитан...

Но Лозериль прервал его громким смехом:

– Твоя любовь к Брише ослепляет тебя, старик; будь уверен, капитану и в голову не придет, что на него возводят такое преступление.

Управляющий не обратил внимания на смех Лозерилья и продолжал, пристально глядя на него:

– Стало быть, тот убитый не имеет никакого сходства с портретом?

– Ни малейшего.

– И в продолжение четырех часов, что вы просидели вместе, капитан не говорил об этом приключении?

– Нет, даже ни одним словом не напоминал о нем.

Отвечая старику и избегая его взгляда, Лозериль повернулся к столу, на котором валялись разбросанные банковские билеты, карты и золото.

– Видишь ли, вот чем мы занимались, вместо того чтобы рассуждать о портрете. А что Аннибал был так взбешен, то неудивительно: он проиграл и, вероятно, пошел к дочери попросить денег, надеясь отыгаться.

– А зачем же он вас запер?

– О! По рассеянности, как это часто случается с невезучими игроками.

– Вот что! – проговорил Колар недоверчивым тоном.

Вдруг Лозериль хлопнул себя по лбу, как бы что-то неожиданно припомнив:

– Да, Колар, хорошо, что ты мне напомнил своими вопросами, ты должен оказать мне услугу.

– С удовольствием, граф.

– Вот в чем дело: если капитану удастся выпросить денег у дочери, то он сейчас же заставит меня играть с ним, и бог знает когда это кончится. Может быть, придется просидеть всю ночь.

– Очень может быть.

– А меня ждут и будут беспокоиться, если я долго не вернусь. Так мне надо бы дать знать... Не можешь ли ты отнести мою записку?

– Извольте, я готов, – сказал Колар, почтительно кланяясь.

Управляющий поспешил подвинуть Лозерилью кресло, а сам встал позади него. Молодой человек быстро набросал следующие строки:

«Мне угрожает серьезная опасность, и в случае моей насильственной смерти я обвиняю в ней капитана Фукье и его дочь. Они решились на это преступление из страха, чтобы я не донес на них за убийство Брише. Я открыл их первое преступление благодаря портрету, показанному мне судьей де Бадьером, и утверждаю, что этот портрет изображает убитого человека, историю которого я рассказывал всему семейству Брише. Я сознаюсь, что из снисходительности и жалости к виновным не признал сходства, но теперь я наказан за это теми самыми людьми, которых я хотел спасти».

Он уже хотел подписать свою фамилию, но, вспомнив, что Колар, стоя за его креслом, легко мог прочесть все письмо, быстро обернулся. Старик стоял с поднятыми к потолку глазами; погруженный в свои грустные мысли, он, казалось, забыл даже, где он и зачем пришел сюда.

Глава VIII

Убедившись, что управляющий не прочел его письма, Лозериль сложил и запечатал конверт, но адреса не написал. Шум отодвигаемого кресла вывел Колара из задумчивости.

– Возьми, – проговорил молодой человек, подавая пакет.

Управляющий повертел его, ища адрес.

– Надписи нет, не ищи, потому что если ты потеряешь это письмо, то особа, которой оно адресовано, может пострадать. Но все то, что я не написал, я доверю тебе как честному человеку.

Колар поклонился.

– Ты знаешь дом маркизы де Бражерон?

– Да.

– Письмо это к ней. Отдай ей прямо в руки.

– Хорошо, я пойду, – сказал Колар, направляясь к двери.

Но Лозериль остановил его.

– Нет, – сказал он, – не ходи пока, может быть, и совсем не понадобится: если игра наша скоро окончится, то я буду свободен и, разумеется, лишнее писать той особе, когда я сам явлюсь к ней.

– Ну конечно.

– Письмо надо отнести только в том случае, если игра наша слишком затянется.

– Я понимаю.

– И если в полночь я не выйду отсюда, то ты снесешь его маркизе де Бражерон.

– Хорошо, так я буду ожидать вас в передней.

– Да. И когда я буду выходить, отдашь его мне.

– Слушаю, господин Лозериль.

– Теперь ты можешь идти.

Колар отворил дверь.

– Ах да, я забыл, – сказал Лозериль, – постарайся так запереть, как было... два раза поверни ключ. Я хочу посмеяться над капитаном, он как-то уверял меня, что никогда не теряет головы при проигрыше.

Управляющий уже переступил порог, как вдруг внизу лестницы послышались тяжелые шаги.

– Это капитан идет, – прошептал Колар на ухо молодому человеку.

– Он встретится с тобой.

– Конечно.

– Досадно. Мне бы не хотелось, чтобы этот болтун знал, что у меня есть особа, которую надо предупреждать, если я не возвращусь вечером домой, – сказал Лозериль, стараясь скрыть, почему он действительно не желал встречи между управляющим и Аннибалом.

Управляющий довольствовался этим объяснением и тотчас же отвечал:

– Да, это правда, пусть лучше он не знает, что я приходил к вам.

И, вернувшись опять в комнату, Колар пошел в противоположный угол, как бы надеясь найти другой выход.

– Куда ты идешь? Разве тебе хочется встретиться с капитаном? – с удивлением вскричал молодой человек.

Этот вопрос привел в себя старика, и он едва слышно пробормотал:

– Я совсем растерялся и сам не знаю, что делаю.

– Да, кажется, что так; я думал, ты хочешь спрятаться за кресло, которое стоит в том углу.

– О! – вскричал управляющий. – Я придумал. Будьте спокойны, этот проклятый великан не встретит меня.

– Что же ты сделаешь?

– Я спрячусь на чердак и сойду только тогда, когда он уже будет здесь.

– Ну отлично, уходи скорей, да не забудь запереть дверь на ключ.

Колар поспешно скрылся, но не забыл запереть – замок щелкнул два раза. После его ухода Лозериль весело вскричал:

– Ну наконец-то! Простодушный старик и не догадывается, что он поможет мне отомстить, если уж не удастся спастись.

Но в ту же минуту он вспомнил, как старый управляющий направился было в другой угол комнаты и как он быстро остановился, словно поняв свою ошибку, и потом стал уверять, что действовал под влиянием испуга.

«Странно! – подумал Лозериль. – Старик так уверенно шел, как бы зная наверно, что там есть выход. Надо посмотреть, может быть, и я найду его».

Молодой граф подошел к стене и начал рассматривать обои, но нигде не было ни малейшего отверстия или неровности. Он уже хотел постучать в стену пальцем, но шум шагов медленно поднимавшегося Фукье напомнил ему об угрожающей опасности.

«Надо действовать решительно», – подумал Лозериль, становясь против входа.

Аннибал подошел к двери и уже повернул ключ.

– Настала минута борьбы с этим разъяренным быком, – прошептал молодой человек, меняясь в лице.

Дверь отворилась, и на пороге показался капитан. Он тоже ждал нападения и держал шпагу наготове. Но при виде своего вооруженного пленника он грубо расхохотался.

– Что это вы делаете, мой милый граф, со шпагой в руке? Кажется, вы здесь были одни.

– Я не знал просто, как убить время, ожидая вас, мой дорогой Аннибал; а позвольте вас спросить, зачем вы вынули свою шпагу?

– Я имею привычку чертить на песке круги, когда думаю о чем-нибудь.

– Ах да! Правда, вы ведь и ушли для того, чтобы подумать. Могу ли я узнать, любезный капитан, результат этих дум?

– А вам очень хочется знать, дорогой граф? – проговорил Аннибал, делая какую-то странную гримасу.

– Все, что касается вас, интересует меня.

– Это и вас касается.

– Тем более я хочу знать.

– Если вы непременно желаете, то я вам скажу мое решение: я хочу пополнить мою вторую дюжину.

– Дюжину чего?

– Дюжину людей, которых я имел честь убить на дуэли. Еще только прибавить одного, и у меня будет ровно две дюжины. Эта фантазия явилась как-то случайно, точно зубная боль. И я уверен, что не усну спокойно, если лягу в постель, не исполнив того, что задумал. Но я надеюсь, что вы будете так любезны и дадите мне спокойно провести ночь.

– Так это вы меня хотите убить на сон грядущий?

– Именно вас... и так как я хочу лечь пораньше, то вы, вероятно, не станете меня задерживать.

И с этими словами Аннибал встал в оборонительную позу. Но Лозериль, вместо того чтобы последовать его примеру, неестественно расхохотался.

– Ну как вы ни спешите добраться до постели, а все же дадите мне время предложить вам один вопрос.

– Конечно, спрашивайте что хотите.

- Почему вы выбрали именно меня для пополнения вашей дюжины?
- Если я вам скажу причину, то вы не поверите.
- Все-таки скажите.
- Извольте, из дружбы.
- Неужели?
- Уверяю вас, из искреннего расположения к вам я хочу вас вылечить от одной неприятной болезни.
- Какая же это у меня болезнь?
- Любопытство, мой друг. Да, вы имеете слабость совать свой нос в чужие дела. Сперва вы подглядываете, потом выводите свои заключения, а главное, придумываете небылицы.
- Уверены ли вы, что я придумывал небылицы, мой милый Аннибал?
- О да, уверен, а у вас очень живое воображение. И люди, испытавшие на себе ваш талант, говорят наконец: «Все, что он рассказывает, есть чистейшая ложь! Но так как он может рассказать свою сказку другим, а те поверят ему, то не лучше ли сейчас же заставить его замолчать».
- Должно быть, вы советовались с вашей дочерью и она-то нашла верное средство заставить меня замолчать.
- Ничуть не бывало. Дочь моя, клянусь вам, не разделяет моей заботы об исцелении вашего недуга.
- Когда вы ушли от меня, я был уверен, что вы пойдете посоветоваться с дочерью.
- Вы были вправе так подумать.
- Так почему теперь вы отказались от вашей первой мысли?
- Отказался, но поневоле... потому что как ни стучал я и ни кричал у двери павильона, где заперлась Аврора, но мне не отворили.
- Заперлась... одна?
- При этом вопросе и сопровождавшей его насмешливой улыбке Аннибал понял, что допустил ошибку, и сухо возразил:
- Вот видите, как вы любопытны, граф. У вас опять начался ваш болезненный припадок. – И капитан стал в прежнюю оборонительную позу, говоря: – Положительно надо начать лечение.
- Но и тут Лозериль не двинулся и остался на своем месте, стоя за большим игорным столом, отделявшим его от опасного противника.
- Так если вы не видели вашу дочь, дорогой Аннибал, то кто же мог вам посоветовать отправить меня на тот свет?
- Кто? Мой лучший приятель.
- А именно?
- Осторожность, граф. Да, осторожность всегда говорит нам: убей дьявола, пока он тебя не убил, или раздави гадину, пока она тебя не ужалила. С той минуты, как вы увидели портрет, вы стали очень заботиться о нас. Правы вы или нет – я не знаю. Только Аврора может объяснить мне это, и хотя необходимое объяснение я могу получить завтра, но решил сегодня же покончить с вами. Самая большая неприятность, какая может со мной случиться, – так это если я завтра узнаю, что немного поторопился. Конечно, в таком случае я буду в ужасном отчаянии. Я человек прямой, не правда ли?
- Даже слишком прямой.
- Но вместе с тем и осторожный.
- Нет, в этом я с вами не согласен, – возразил Лозериль улыбаясь.
- Как! Если я вам помешаю разболтать весь этот вздор посторонним лицам, разве это не будет большой осторожностью с моей стороны?
- Да, а если кто-нибудь уже будет предупрежден?
- Это невозможно! – вскричал Аннибал.

– Вам так кажется, а может быть, письмо за моей подписью откроет причину, побудившую вас убить меня.

В первую минуту, видя грозящую ему опасность, Аннибал струсил, но тотчас же разразился громким хохотом.

– О! – проговорил он. – Меня не проведете. Я ведь знаю, что, входя в этот дом, вы никак не ожидали увидеть портрет, на котором основываете теперь все свои предположения. С какой стати стали бы вы предупреждать ваших друзей? Вам и в голову не приходило, что ожидает вас здесь.

– Все это совершенно верно, капитан, но ведь я мог позаботиться о своей безопасности, уже находясь в вашем доме.

– Я вас не понимаю.

– Я объясню; вероятно, вы не забыли, что уходили в сад любоваться природой.

– Да, но я вас запер. Значит, ваш ангел-хранитель сходил с небес, чтобы взять такое важное послание.

– Ну хорошо, положим. Это был мой ангел-хранитель, а все же письмо отослано, в этом вы скоро убедитесь.

– Та-та-та! Рассказывайте эти сказки другим, а не мне, – сказал Аннибал, недоверчиво улыбаясь.

– Вы не верите?

– Конечно нет. И если вы откажетесь драться со мной, то я убью вас, как собаку.

Сказав это, Аннибал сделал шаг вперед и направил шпагу прямо в грудь Лозерилью. Видя, что капитан не обращает внимания ни на какие объяснения, молодой человек вышел из-за стола и подошел к своему противнику.

– Хорошо, – сказал он, – но помните, вы меня принуждаете драться с вами, а мы бы могли сойтись с вами.

Они скрестили свои шпаги. Оба были хорошими бойцами, выученными не в школе фехтования, а встречавшимися с опасностями при частых дуэлях. Молодой и ловкий Лозериль имел перевес над капитаном, к тому же он отличался необыкновенной быстротой движений. У Фукье метод был совсем другой: он не нападал, а защищался, выжидал с необыкновенным хладнокровием какого-нибудь промаха со стороны графа, чтобы тогда нанести ему решительный удар. В самом начале их борьбы, при первом нападении Лозерилья, капитан весело вскричал:

– О! Сразу видна испанская школа! Угадал я?

– Да, вы не ошиблись, – отвечал Лозериль, продолжая драться.

– Кажется, этот удар придуман знаменитым Диего?

– Да, он был моим учителем, – ответил молодой человек, думая испугать капитана.

– Славный учитель.

– Вы его знаете?

– Еще бы! Ведь я убил его, – скромно сказал Аннибал, отводя шпагу Лозерилья.

Но это сообщение было совершенно лишним для графа, уже давно понявшего, что, несмотря на свою ловкость, он не может равняться с Фукье и должен признать его превосходство. При каждом ударе Аннибал делал шаг вперед, так что, начав у порога, они уже были на середине комнаты и Лозерилью скоро пришлось бы упереться в стену, а между тем ему необходим был простор и он видел, какой подвергается опасности. Вся его быстрота не спасет, если шпага противника не даст возможности двигаться.

«Это глупое животное просто пригвоздит меня к стене», – думал он, неумоимо продолжая борьбу. Учащая свои удары, Лозериль надеялся заставить капитана податься назад. Но тот был точно пригвожден к полу. Увлечшись борьбой и забыв всякую осторожность, граф открылся и едва успел отвести смертельный удар.

«Ну, – подумал он, – как это еще я уцелел. Неужели я буду так глуп и позволю себя убить, когда, можно сказать, держу в руках свое счастье».

Вообще положение Лозерилья было ужасно, он уже чувствовал усталость и онемение рук, а капитан был бодр и не чувствовал ни малейшего утомления, как будто только что начал.

Он следил за постепенным ослабеванием врага и наконец самодовольно засмеялся, говоря сильно запыхавшемуся графу:

– Я надеюсь скоро пойти спать.

И тотчас же с необыкновенной быстротой направил шпагу прямо в грудь противника.

– Спокойной ночи, Лозериль! – весело произнес он.

Но его шпага вместо тела молодого человека встретила стену и крепко засела в ней. Предстоявшая опасность вдохновила графа, он отскочил в сторону и опустил оружие, говоря:

– Капитан, я вам предлагаю двести экю за каждую минуту отдыха, и в это время вы должны спокойно выслушать то, что я вам скажу.

При этой неожиданной просьбе Аннибал, приготовившийся к нападению, сейчас же остановился.

– Кажется, это умное предложение, – весело проговорил он.

– Так согласны?

– Вы говорите триста экю?

– Нет, двести.

– А мне послышалось – триста.

– Ну хорошо, пусть будет триста, – сказал Лозериль, понимая, что надо согласиться на условия победителя.

– В таком случае потрудитесь взглянуть на часы, мой друг, они перед вами.

– Пять минут двенадцатого, – сказал Лозериль.

– Хорошо. Теперь можете говорить. Я буду считать, – проговорил пунктуальный капитан.

Глава IX

Страшно утомившись, Лозериль прежде всего сел.

– Вы уже истратили триста экю, – сказал капитан, не спускавший глаз с часовой стрелки.

– Надо сказать, капитан, – начал молодой человек, – что если даже никто из наших знакомых и не убил Брише, – понимаете, из наших знакомых, – то все же бедняги нет в живых; я и теперь утверждаю, что держал в своих объятиях вашего умирающего зятя.

– Ну хорошо, положим, что кто-то и избавил меня от этого идиота, – добродушно согласился Фукье.

– В таком случае что будет, когда докажут его смерть? – продолжал Лозериль.

– Моя дочь получит миллионы, очень понятно.

– Да? Вы думаете, что все произойдет так, как вам хочется, а в вашем прошлом нет ничего, что могло бы испортить будущее?

– Как я ни ищу, но никак не нахожу на своем горизонте какой-либо тучки.

– Так вы никогда не задавали себе одного важного вопроса?

– Какого?

– А вот какого: почему уехал Брише?

– Почему? Почему? – повторил капитан, ища ответа.

Вдруг он вздрогнул, как бы поняв грозившую опасность, и поспешно проговорил:

– Да, действительно, отчего, черт возьми, уехал этот идиот?

– Он был счастлив, богат, влюблен в свою молодую жену, по летам должен был любить спокойную жизнь, и он нашел предлог, чтобы объяснить свое исчезновение.

– Так вы думаете, он не уехал?

– Я уверен, что он не собирался в дальнейшее путешествие, – ответил Лозериль.

Эти намеки оказали желаемое действие на капитана, и, поддерживая голову обеими руками, он глубоко задумался, наконец медленно проговорил:

– Это правда, я никогда не задавал себе вопроса, почему уехал этот дурак? И просто поверил в его страсть к путешествиям.

– Быть может, мы разрешим эту трудную загадку, если вы позволите мне объяснить вам все непонятное в этом приключении.

– Ну, объясните, – с любопытством проговорил Аннибал.

– Хорошо. Так предположим, что у вашей дочери был... друг.

– О! – сказал стыдливый капитан.

– Предположим только.

– Хорошо.

– Положим, зять ваш узнал об их дружбе и, следуя примеру многих мужей-рогоносцев, придумал это путешествие, чтобы иметь возможность убедиться в справедливости дошедших до него слухов.

– Возможно ли это? – задумчиво произнес Аннибал.

– И, – продолжал Лозериль, – положим, что, вернувшись, был убит неизвестным человеком... совершенно не заинтересованным в его семейных делах... пусть это будет даже Картуш или кто-нибудь из его сообщников, но все же преступление приносит пользу назначенной наследнице.

– А наследница – моя дочь, – сказал капитан, снова повеселев.

Лозериль покачал головой.

– Уверены ли вы в этом? – спросил он.

– Иначе быть не может.

– А разве не мог Брише, после сделанного им открытия о своей жене, совершенно изменить духовную из мести?

Капитан даже вскочил со своего кресла от сильного волнения.

– Так ведь тогда вся жизнь Авроры испорчена! Состояние достанется Полине. И миллионы старого дурака пройдут мимо нашего носа. А у нас ничего не будет! – с бешенством проговорил Аннибал.

После непродолжительного молчания, прерываемого только скрежетом зубов разъяренного Аннибала, Лозериль спокойно произнес:

– Зачем же все терять? Можно иначе устроить.

– Как же? Научите.

– Лишиться только половины.

– Да, а кто же даст мне другую-то половину?

Граф подошел к Аннибалу и проговорил, делая ударение на каждом слове:

– Я! Я вам говорю: разделим миллионы Брише поровну.

Капитан расхохотался:

– Так вот к чему вы вели весь этот разговор.

– Именно.

– Какое же есть у вас магическое слово для открытия чужих ящичков с деньгами?

– Без насмешек, капитан, я говорю серьезно, помогите мне жениться на Полине.

– Да разве вы думаете, что я имею на нее какое-нибудь влияние?

– Нет, капитан, но мы оба не глупы и найдем средство заставить молоденькую девочку согласиться на этот брак.

Аннибал задумался.

– А вы, пожалуй, обманете меня.

– Каким образом?

– Да если Брише не изменил своего завещания, то я по своей глупости лишусь половины и отдам ее вам.

– Ну, в таком случае я соглашусь на ежегодный пенсион, такой, как вам был назначен Брише.

– И вы довольствуетесь им? – спросил капитан, не доверяя своему сообщнику.

– Честное слово!

– Ну, мне было бы спокойнее, если бы вы дали письменное подтверждение или расписку. Нисколько не обижаясь на недоверчивость Аннибала, Лозериль тотчас же согласился:

– Я вам завтра же напишу.

– Почему ж не сейчас?

– Да потому, что это будет совершенно бесполезно, если меня завтра убьют на дуэли.

– На дуэли! На какой такой дуэли? – с удивлением спросил капитан.

– Но разве вы забыли, что я пришел просить вас быть моим секундантом; дуэль же отложена на двадцать четыре часа, чтобы дать время противнику уплатить его карточный долг.

– Ах да, правда! Я теперь вспомнил, что даже не спросил, кто ваш противник?

– Барон Камбиак.

Капитан, не ожидавший услышать это имя, неосторожно вскричал:

– Ба! Первый жених Авроры!

При этом восклицании Лозериль подумал: «Барон-то и есть друг Авроры. Женщины обладают каким-то странным инстинктом и всегда узнают свою соперницу; я теперь понимаю, почему маркиза настаивала, чтобы я пригласил в секунданты именно Аннибала. Она хотела, чтобы я, проникнув в крепость неприятеля, изучил все его слабые стороны».

Капитан тоже в эту минуту рассуждал сам с собой.

«Если, – думал он, – Лозериллю удастся убить Камбиака, то мне не надо будет платить моего долга».

После этих обоюдных размышлений оба приятеля пристально посмотрели друг на друга.

– Итак, между нами все решено, не правда ли, капитан? – спросил Лозериль.

– Да, все... только когда вы дадите мне расписку, вы знаете в чем.

– Я дам завтра. Так мы опять друзья? – сказал молодой человек, протягивая руку.

Капитан уже хотел пожать ее, но вдруг быстро отдернул руку.

– Извините, – сказал он, – позвольте только напомнить вам, что мы еще не свели наши счета.

– Ах да, правда! – вскричал Лозериль, поворачиваясь к часам.

– Вы говорили в продолжение двадцати минут, что составит, считая по четыреста экю за минуту...

– Нет, нет, вы ошибаетесь, капитан, мы согласились на трехстах.

– Вы думаете? Хорошо... это составит шесть тысяч экю.

Граф подошел к столу, на котором оставил свой выигрыш, взял одну пачку с дырой и подал ее Аннибалу.

– Вот вся сумма, – сказал он.

Капитан с грустью взглянул на дыру, портившую драгоценные для него бумаги.

– Верно, вы думаете, что это уменьшает ценность банковских билетов? – спросил граф, кладя в карман оставшееся золото и другие пачки, покрывавшие стол.

– О нет! – отвечал Аннибал. – Я знаю, что за них то же самое дадут, как и без дыры. Но при виде этого отверстия я вспомнил, что чуть-чуть не продырявил так вас.

– И это было бы двойной ошибкой, мой друг, – сказал Лозериль.

– Двойной?

– Да, во-первых, не выслушав меня, вы рисковали потерять все наследство.

– А во-вторых?

– Вы подвергались бы тем неприятностям, которые навлекло бы на вас одно письмо, хотя вы и не поверили, что я отослал его.

Аннибал разразился своим грубым смехом:

– Ах да, это письмо, за которым приходил ваш ангел-хранитель. Вам непременно хочется заставить меня поверить этой глупой сказке.

– А вы все-таки отказываетесь верить в существование записки, которая после моей смерти привела бы к вам полицию? – спросил Лозериль, собираясь уйти.

– Я не верю этому вздору.

– В таком случае, капитан, потрудитесь проводить меня до передней, там, я надеюсь, вы убедитесь в истине моих слов.

– Согласен! – весело вскричал Аннибал, кладя свою пачку денег на камин.

И они вышли.

В ту минуту, как Аннибал затворил за собой дверь, стена в комнате раздвинулась, через образовавшийся проход кто-то вошел и прямо направился к деньгам, еще сохранившим тепло рук Аннибала. В свое время мы объясним это происшествие, а теперь последуем за обоими приятелями.

Войдя в переднюю, они нашли Колара заснувшим на скамье подле зажженного фонаря. Лозериль разбудил его.

– Отдай мне письмо, которое я тебе поручил отнести, если в полночь не кончится моя игра с капитаном. Я раньше освободился, и поручение оказалось бесполезным.

– Я очень рад этому, потому что, надо сознаться, я становлюсь стар и мне тяжело поздно ложиться, – отвечал полусонный старик, подавая графу письмо.

Молодой человек тотчас же опустил его в карман.

«Так это правда? Да когда же успела старая обезьяна подружиться с Лозерилем?» – подумал капитан, убедившись наконец в существовании письма.

Колар отворил дверь, выходящую на лестницу.

– Спокойной ночи, Аннибал, ложитесь скорей, может быть, я завтра рано приду за вами, – сказал Лозериль, выходя.

Колар запер дверь и задвинул засовы с поспешностью человека, одолеваемого сном, и тотчас же ушел.

Оставшись один, капитан несколько минут прислушивался к шагам удалявшегося Лозерия, рассуждая сам с собой: «Я вытянул у него шесть тысяч и сделал страшную глупость, потому что, убей я его, я получил бы тогда все деньги. Право, ведь бывают же иногда такие минуты, что совсем дуреешь».

С этой печальной мыслью Аннибал начал подниматься по лестнице в свою комнату.

Между тем Лозериль, пройдя улицу Двух Мостов, очутился как раз на той самой дороге, где два года назад пришлось ему быть свидетелем таинственного приключения. Он невольно вспомнил все подробности этой драмы: «Еще каких-нибудь двадцать шагов, и я буду как раз на том самом месте, где увидел тогда человека с мешком».

Он подошел к этому месту, но в эту ночь луны не было и улицы оставались совсем темными. Несмотря на полный мрак, Лозериль старался припомнить, где что происходило.

«Да, это именно здесь, – думал он, – вот тумба, на которой я сидел, когда увидел человека с ношей, и тогда едва встал, сильно пошатываясь...»

Но Лозериль не успел закончить размышление. Чья-то рука схватила его за горло, и он, не будучи в состоянии сопротивляться, почувствовал острую боль между плечами. При этом страшном ударе Лозериль отчаянно вскрикнул и упал, вытянув руки, как бы пораженный громом.

Глава X

Мы уже говорили, что окна павильона, выходившие на улицу, были наглухо заколочены. Аврора Брише не хотела иметь перед глазами эти грязные и мрачные домишки, стоявшие на другой стороне улицы.

Прошло два года после этого распоряжения молодой женщины, и если бы теперь она взглянула из своего окна, то увидела бы большую перемену в доме, находившемся как раз напротив. Переделка совершенно изменила его, и теперь его можно было принять за совсем новый дом, особенно в сравнении с окружавшими его развалинами. Но в последние два года бедные жители этого квартала хорошо узнали дорогу к перестроенному дому. Неимущий больной был уверен, что при первом же ударе молотка в любое время дня и ночи перед ним отворится дверь с вывеской, где написано крупными буквами: «Доктор Мориц Гарди». Всем нуждавшимся в его советах молодой доктор охотно давал их и был очень заботлив, оказывая необходимую помощь; очень часто Мориц Гарди прибавлял к советам и мелкую монету, потому что аптекарь не верил в долг, и если кто-нибудь из этих «выгодных» пациентов отказывался брать, то доктор говорил ему:

– Возьмите, мой друг, было время, я тоже испытывал нужду, а теперь мне счастье улыбнулось и я должен делиться с неимущим.

Это говорилось веселым тоном и с доброй улыбкой. Мориц Гарди был веселого характера и приятной наружности; он невольно обращал на себя внимание своими умными глазами и черными как вороново крыло волосами и вообще всей своей изящной фигурой. Действительно, Мориц говорил правду – не всегда он был в состоянии раздавать даром свое время и свои заботы. Соседи хорошо помнили как, бывало, он бегал плохо одетый и озабоченный, зарабатывая себе чуть ли не дневное пропитание. Тогда он жил на чердаке этого же самого дома, только грязного и полуразвалившегося; потом в один прекрасный день Мориц купил его, переделал и, отказав всем жильцам, поселился сам в обновленном здании. Говорили, что он получил наследство от какого-то дяди. И когда его поздравляли с неожиданным счастьем, он весело отвечал:

– Да, оно мне упало как снег на голову, я никогда и не мечтал даже о подобном богатстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.